

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Копючка

ИРИНА МУРАВСКАЯ

Черноморский цикл

Ирина Муравская

Колючка

«Автор»

2024

Муравская И.

Колючка / И. Муравская — «Автор», 2024 — (Черноморский цикл)

Мы знакомы с рождения, и я всегда была для него кем-то вроде младшей сестры. Он же стал моей первой безответной влюблённостью. Мы выросли, нас разбросало по городам. Он стал чертовски обаятельным, но ужасно невыносимым засранцем с кучей скелетов в шкафу и целым списком требований к девушкам, а я...А я заставлю его пересмотреть приоритеты. Потому что у первой любви нет срока годности. Да и общая жилплощадь имеет свойство сближать людей. Даже таких, как он.

Содержание

Глава первая. Привет, я поживу у тебя?	5
Глава вторая. Новая квартирантка	13
Глава третья. Девочки-зажигалки	21
Глава четвёртая. Попадос	30
Глава пятая. "И то, что влипла я по пояс видел и доберман"	38
Глава шестая. Стритрейсинг	47
Глава седьмая. Анубис	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирина Муравская

Колючка

Глава первая. Привет, я поживу у тебя?

С тобой все не так и с тобой по-другому,

С тебя водопад, и я падаю в кому

Когда без тебя – как удар ножевого,

Но с тобой я будто звезда супербоула (с)

РОВ ШМЕЛЬ

Вроде проснулся, но открывать глаза страшно лень. Мышцы приятно тянет, тело расслабленно, зато голова как с бодуна. Обычное состояние после бурной, горячей ночи и последующего минимального сна.

Так и лежу ещё какое-то время, пытаюсь с пинка втолкнуть себя в новый день. Лежу и слушаю, что происходит в мире.

Дворник опять расхаживает под окнами с воздуходувом, громыхая. На спортивной площадке, судя по звуку, кто-то бьётся головой об металлические ворота. Хлопают дверцы автомобиля. В ванной, через коридор, шумит вода.

Вслепую вытягиваю руку, нащупывая пустоту.

Ясно. Лица в душ умчалась. Прихорашиваться.

Она — типичная представительница девушек, берущих с собой на как бы "незапланированную" ночёвку у парня целый чемодан женских штучек, чтобы с утра быть во всеоружии: с укладкой и боевым раскрасом под натуральность.

Так что теперь, пока не закончит — не выйдет, а это надолго. Значит, можно ещё подремать.

Реально проваливаюсь в рваный сон, сквозь который всё улавливаю, но при этом нахожусь в лёгком анабиозе. Однако дворник не сдаётся: закончив в противоположной части двора, решает продвинуться к моему подъезду. И вот тут уже сопротивляться невозможно.

Теперь окончательно просыпаюсь.

Потрещав костями для разминки, зевая, иду искать притихшую Лику. Вот поржу, если обнаружу её на кухне, потому что это место она обходит за километр, трижды открещиваясь. Дескать, не с её маникюром стоять у плиты. И то верно: никто бы не захотел стражики из яичницы выковыривать.

Разумеется, на кухне пусто.

Лица обнаруживается в соседней комнате, которую я держу под кабинет. Ну в смысле как держу: кроме рабочего стола там в принципе ничего нет, так что условно — это кабинет.

Место, в которое посторонним вход запрещён. Что было изначально озвучено и принято к сведению.

И вот, приехали. Не прошло и двух месяцев.

Долго продержалась. Другие ещё раньше нос совали куда не следует, решив, что они особенные и теперь им всё можно.

Лика настолько увлечённо копошится на каких-то своих бабских страничках, что даже не слышит, как я вхожу.

Замираю позади стройной фигурки, сторбившейся за ноутбуком.

Моим ноутбуком.

— Что делаем? — сухо интересуюсь, заставляя тёмные тщательно завитые локоны подпрыгнуть вместе с хозяйкой.

— Фууу... Напугал. Я залезла посмотреть, есть ли обновления. По твоим папочкам не лазила.

— А правило что, уже забыла?

— Ну я же только у себя...

— Как звучало правило?

Лика виновато втягивает голову в плечи.

— Не заходить в комнату и не трогать ноутбук.

— Видишь, с памятью всё отлично. И в чём проблема?

— Я просто подумала...

— А думать не надо. Надо соблюдать договорённость, — подбородком дёргаю в сторону двери. — На выход. С вещами.

— Дань, ну я же...

— На выход.

Больше не спорит. Знает, что бесполезно.

Понуро идёт в коридор, обувается и закидывает на плечо громоздкую женскую сумку.

Услужливо отпираю входную дверь, выпуская птичку на свободу. Лика делает было шаг, но неуверенно замирает на пороге.

— Ты мне позвонишь?

Отрицательно качая головой, вручаю деньги на такси, жду когда она выйдет и снова запираю все замки.

Очередная минус один. И почему так сложно запомнить максимально короткий перечень требований?

Чем мне нравится работа частного инструктора по вождению — свободный график. Сам себе выстраиваешь план, ни от кого не зависишь и не перед кем не отчитываешься. Кроме налоговой, конечно, но это и плюс. Легко прикрыть не совсем законную прибыль максимально законным занятием.

К тому же, за столько лет уже сформировался свой круг общения в том же ГАИ, а надёжный осведомитель никогда не будет лишним в мире нелегальных уличных гонок.

Что ещё?

Ну, дополнительная работа — отличная возможность не тухнуть без дела, когда у стритрейсеров начинается несезон. Зимой гонять получается редко, слишком опасно, а мы всё-таки не до такой степени крейзи. Тормоза тоже есть.

И, наконец, не будем лукавить, инструктор по вождению — идеальная тема, чтобы склеить девчонку. С Ликой, собственно, так и познакомились. А теперь вот тихо-мирно распрощались.

Она девчонка не глупая, так что в истерию не впадает и слезливыми сообщениями следующие несколько дней не заваливает. В отличие от предыдущей. Ту давно пришлось в чс кинуть.

Возвращаюсь домой под вечер, в чисто холостяцкую пустую берлогу. В руках пакет с идеальным набором: магазинная замороженная пицца с лазаньей, чипсы и пиво.

Ну а что? Нормас. Живём и не жалуемся.

Планов на эту ночь нет, секса тоже пока больше не светит, так что сейчас как упадём на диван, да как включим футбол или кинч...

Предвкушение обрубается дверной трелью. Обычно скулящая и умирающая, сейчас она только что не заливается соловьём.

И кого притащило?

Лику?

Немногочисленных соседей?

Дом новый, в недавно отстроенном районе, поэтому пустых квартир ещё много. Зато если кто-то заезжает, то всё — вешайся. Начинается долбёжка и сверление, растягивающиеся на недели.

Чешу открывать, не удосужившись посмотреть в глазок.

— Здравсте, — озадаченно разглядываю миниатюрную блондинку с каре до плеч.

Настолько миниатюрную, что чемодан на колёсиках, который она тащит за ручку, смотрится рядом с ней непозволительно огромным титаном.

— Привет, — задорно улыбаются, приподнимая с переносицы солнцезащитные очки. Ну да, на улице же луна так и слепит. Самое время для очков.

— Эээ... — не, ну я не отрицаю, девица симпатичная, только вот причинно-следственной связи пока не улавливаю. — Квартирой не ошиблась?

— Дань, не узнаёшь?

Ммм? Нет, не узнаю.

Смотрю ещё внимательней... и всё равно не узнаю.

Хотя...

Стоп!

— Горошек, ты что ль?

— Александра, — поправляют меня вежливо.

Да. Точно она. Санька Горошек, дочь моей крёстной.

В последний раз мы виделись... эээ, лет пять назад. Ей тогда было около тринадцати-четырнадцати, и годы явно пошли ей на пользу.

Я-то запомнил её угловатой, нескладной девчонкой с косой до пояса мышинного цвета и ботаническими очками с толстенными стеклищами, а тут ля, в какую красотку превратился гадкий утёнок!

Интересно, она всё ещё в меня влюблена?

Тогда скрывать свою неуклюжую детскую симпатию ей удавалось плохо. Всё было слишком уж прозрачно, особенно с учётом разницы в возрасте, но потом я уехал сюда учиться, и жизнь нас раскидала.

А теперь вот вновь свела.

— Александра, Александра, — усмехаюсь, хотя всё ещё озадачен. — Какими судьбами?

Горошек напрягается.

— А тётя Валя тебе что, не звонила?

Мать моя? Мне?

— Не звонила. Кажется.

— Прикольно. Ну вот, позвони ей. Пусть она тебя обрадует.

Всё. Теперь напрягаюсь уже я.

— Чем?

— Я у тебя поживу какое-то время. Пока мне место в общежитии не дадут, — беззаботно пожимают обнажённым плечиком, с которого кокетливо спал вязаный кардиган, и, не дождавшись приглашения, деловито вкатывают в квартиру чемодан. — Куда можно упасть? Постельное бельё у меня своё.

Постельное бельё. Поживу. Общежитие...

Что-о?

— Здравствуй, Данечка, — раздается в трубке голос матери. — Всё хорошо? Было.

Было вот прям шикарно.

Всего минут так двадцать назад.

— Ничего не забыла рассказать?

— Эээ... В смысле?

— В прямом. По-моему, ты зажала какие-то новости.

— Слушай, не совсем тебя понимаю...

— Да я вот тоже немного не понял, когда ко мне в дом ввалилась блондинка с чемоданом.

Несколько секунд молчания.

— Ой! Сашенька уже приехала? Я думала, только завтра!

— А сообщить мне когда об этом собиралась? Тоже только завтра?

— Ой, а я разве не говорила? Неужели забыла предупредить? Вот голова дырявая! Прости бестолочь старую, сынок.

Ну-ну, та ещё королева драмы. Распинается так, что пожалеть охота. Но я же знаю мать. Как и знаю, что это всё не более чем театральный закос под дурочку.

Всё она прекрасно помнила, просто решила спецом схитрить. Знала, что если попросит заранее — рогами упрусь и откажу.

А теперь уж без вариантов.

— Из головы вылетело предупредить? Класс. А ничего, что в мои планы не входило нянькой становиться? У меня и своих забот по горло хватает.

— Данечка, ну как я могла отказать Нинель? Она же нам как родная. И Сашенька как родная. А у тебя трёшка. Неужели в ней не найдётся места маленькой девочке?

Спешу заметить — не такой уж и маленькой. Кобылка вымахала ого-го. В остальном же, как я и думал: бабский саммит, видимо, собрался вечером за стаканчиком домашней настойки, порешал там всё, а оповестить других не сподобился.

Трындец. Ни одна, ни другая не предупредили. Я крёстную с матерью, конечно, люблю, но как же охота устроить разнос с переходом на личности...

Однако, увы. Не буду. Совесть не позволит.

— Ещё сюрпризов ждать? — подпирая лбом дверной проём, обречённо вздыхаю, принимая поражение. — Мелкий, часом, тоже не собирается перебраться ко мне на ПМЖ?

У Санька же ещё и брат младший есть.

— Дань, ему всего восемь, — напоминают, но по интонациям чувствуется, что мать довольна. Поняла, что выиграла этот раунд.

— Подумаешь. От вас можно ожидать чего угодно.

— Да брось, не утрируй. Семья же, а семью не бросают, когда помощь нужна. Ну а ты вообще как, оценил: какая девица уродилась? В станице табуны ухажёров под забором ночуют. Уже трое замуж звали.

Оценил. Ещё как оценил.

— Как тётка её вообще отпустила так далеко?

Я ж крёстную знаю. Она из тех разведённых одиночек, для которых дети — центр вселенной. Это и хорошо, и плохо, потому что при такой безусловной, даже слегка маниакальной любви, личного пространства птенчикам обычно не остаётся. Их стерегут как зеницу ока, душат гиперзаботой и лишают всякой самостоятельности.

– Так она и не отпускала. Сашка тайком поступила на бюджет и поставила перед фактом, за несколько часов до поезда, представляешь? Этой девчонке палец в рот не клади — откусит по локоть. Костями ляжет, но своего добьётся. Мать в слезах, а она ни в какую. Еду и всё.

Ого. Это что-то новенькое.

Я запомнил Горошка покладистой тихоней, во всём слушающейся мамочку, а тут такой открытый бунт. Видимо, слишком уж сильно её придавили. Вот та и не выдержала тисков, вырвавшись на свободу.

– Прикольно. Пубертат никого не щадит.

– Дань, ты только, пожалуйста, приглядывай за Сашулей. Нинель страшно переживает, — замечают осторожно так, вкрадчиво. И сразу выплывает на поверхность весь их хитроумный план: повесить беглянку на мою шею, чтоб та без присмотра не оставалась.

Шикарно, блин. Просто шикарно.

Привалило счастья, называется, откуда не ждали. И что ж мне теперь, за ручку отводить её в универ и обратно? Сопли подтирать? Бантики завязывать? Уроки проверять?

– Разберёмся по ходу дела. Ладно, давай. Потом созвонимся, — собираюсь отключиться, но родительница работает на опережение.

– У тебя-то как дела? Всё хорошо? Когда приедешь в гости? Мы скучаем.

– Не знаю. Попробую вырваться в этом месяце, но ничего не обещаю.

– Ну ладно. Целую. Папа привет передаёт.

– Ага, — торопливо отсоединяюсь, пока беседа не затянулась, уйдя в дебри допроса с пристрастием.

Бросаю телефон на кухонный стол и иду на шум. Санёк обнаруживается там же, где я её и оставил: в комнате, запланированной под спальню. Такой же запланированной, как и кабинет, ага.

– У тебя тут... ммм, миленько, — усмеваются, обводя взглядом белоснежное помещение. — Психушку немного напоминает, зато светло.

Да ничего не напоминает. Комната как комната: Правда огромный шкаф-купе, занимающий собой всю боковую нишу, и двуспальная кровать у окна — это всё, что есть в наличии.

Остальное, как логично предположить, докупить я не успел. Хотя, будем честны, не особо и торопился. Всё равно живу в гостинной. Там и телек, и плёха, и большая часть барахла, что нужна на постоянку.

– Мне под ключ квартиру сдавали, а я не выпендривался и дизайнерских фантазий не просил.

Поэтому почти вся квартира белая. Кроме ванной с туалетом. Те серые.

– Заметно. Можно занять вот эти две? — зеркальную створку полноценной гардеробной вежливо приоткрывают, кивая на боковые полки. Пустые, как и две трети всего шкафа. У меня шмоток столько нет, сколько тут зон хранения.

– Да ради бога. Хоть всё. Если моё мешается — можешь выгрести и скинуть куда-нибудь в угол.

– Это лишне. Мне вполне хватит.

– Ну ок, — нет. Осознание, что с этого момента и на неопределённый срок придётся делиться с кем-то квадратными метрами упрямо не укладывается в башке. Приходится растянуть мысль вдоль спинного мозга. Только тогда худо-бедно выстраивается логическая цепочка дальнейших действий. — Что ж. Пойдём, покажу, где что лежит и объясню правила.

– А есть ещё и правила?

– А ты как хотела? Ручку бери и записывай. Правило первое — никого сюда не водить. Ни подружек, ни ухажёров.

– Я два часа как приехала в город. У меня нет пока ни подружек, ни ухажёров.

— Вот и славно. Будем надеяться, что и не появится. Правило второе, — веду её в ванную. — Никакого нижнего белья на батареях и разбросанных по всему дому женских побрякушек. В кладовке стиральная машина с режимом сушки — просьба своё стирать отдельно. Можешь взять нижнюю, — киваю на угловую полку в стеклянной душевой кабинке, задуманную под шампуни и гели для душа.

— Очень щедро. Попробую уместиться.

— Будь добра. Третье правило, — переходим на кухню. — Не оставлять после себя срача. Поела — помыла, вытерла, убрала. В холодильнике, так и быть, можешь брать всё, что найдёшь.

— Прямо всё? — усмеваются, изучая содержимое и выуживая банку пива. Собственно, больше там и нет ничего. Кроме масла и майонеза.

— Кроме этого. Тебе ещё рано, — забираю пенное и ставлю на место.

— Мне девятнадцать.

— Вот когда будет двадцать один, тогда и поговорим.

— Ты хуже ма.

— Эй, я, типа, за тебя ответственный теперь.

— И поэтому надо душнить?

— Не устраивают правила? Могу снять тебе отдельную хату.

По идее, должно звучать как заманчивое предложение, только вот я отлично догадываюсь, что это больше угроза.

— Чтобы ма пригоняла каждые выходные с тюками домашних солений и проверяла, плотно ли я пообедала? Нет, спасибо.

Хех. Да, тётя Нинель это может.

— Не хочешь такой участи, значит слушайся меня.

— Есть, сэр, — насмешливо салютуют ребром ладони.

Мда. Малайка вообще всерьёз меня не воспринимает. Впрочем, это неудивительно. Я никогда не стремился стать образцом для подражания, у самого рыльце в том ещё пушку.

Не знаю, помнит ли она мои пьяные вваливания домой с расквашенной мордой после дворовых драк и вечные причитания матери, что практически жила в кабинете школьного директора. И это я был, так на минуточку, ещё младше Горошка.

Однако не будем забывать: всё-таки, парень — это парень, а девушка... Ну, к ней изначально больше требований. Статус слабого пола обязывает.

Так что продолжаем читать нотации.

— Далее: чтоб дома была ровно в одиннадцать. Никаких ночных загулов. Я не собираюсь искать тебя по всему городу.

— Постараюсь, но не обещаю. Я хочу найти подработку, но если совмещать её с учёбой — подойдут только вечерние смены.

Новости всё лучше и лучше.

— А учиться хоть где будешь? Куда поступила?

— Колледж искусств.

— Искусств? Какого плана?

— Хореографическое направление.

— Танцульки что ли?

— Хватит говорить, как ма! Она все мозги мне уже проела, что надо идти на экономику или на худой конец — в юриспруденцию. Чтоб в жизни можно было устроиться. А я не хочу эту дурацкую экономику! Меня от неё заочно мутит.

— Ну да. Танцульки-то это ведь вещь. Зато точно пригодится твой нарисованный на коленке аттестат об окончании... что ты там закончила? И закончила ли вообще?

Горошек строго скрещивает руки на груди, недобро щурясь. В этот момент она как никогда похожа на ту, что её выносила и подарила миру — выражение лица один в один.

– Напомни-ка, какое в конечном итоге образование у тебя? Высшее неполное?

Уела. Молодец.

– Доложили, что я бросил универ?

– Что тебя из него попёрли? Да. Сказали, — с жуть каким самодовольным видом кроют козырем. — Полагаю, вопрос относительно моего образования можно закрыть?

Однако. Милая и кроткая девчуля реально превратилась в ту ещё колючку.

Миролюбиво вскидываю руки, невербально приглашая её продолжить мини-экскурсию.

Танцульки так танцульки. Её право.

– Так, какое там у нас по счёту далее следует?

– Правило? Пятое.

Умничка. Считает.

– Именно. Пятое. Самое главное. Дверь видишь? — тормозим напротив "кабинета". — Туда нельзя заходить.

– Потому что там красная комната пыток? Алтарь поклонения Сатане? Расфасованные по мешкам трупы? Лаборатория безумного учёного?

Охренеть воображение у неё.

– Ты бы завязывала смотреть всякую дичь.

– Не угадала?

– Нет. Туда просто нельзя и точка.

Санёк демонстративно приоткрывает дверь. Ненамного. Ровно настолько, чтобы сунуть свой любопытный нос. При этом оставаясь ногами в коридоре, о чём не забывает жестом показать: мол, не захожу же. Быстренько осматриваются, и прикрывают дверь обратно.

– Всё ясно, — кивают удовлетворённо.

– Что ясно?

– Что туда нельзя. Нет проблем. Там всё равно делать нечего: что могли, уже вынесли до меня.

– Смешно.

– Я старалась. На этом всё, или есть ещё какие-то требования?

– Пока что всё. Но будут ещё, не расслабляйся.

– Отлично. Тогда можно я приму душ? Я прям насквозь провоняла привокзальной шаурмой, самой от себя противно.

Милостиво разрешаю, отмахиваясь.

– По квартире голой не ходить! — запоздало бросаю ей вслед.

– Агась-агась, — перезвоном колокольчиков раздаётся озорной смех успевшей убежать в спальню девчушки. А следом стук и крахтение. — Ааа, мизинчик отшибла.

Мда. Ну здравствуй, геморрой за задницу. Жилось же спокойно, так нет, блин, обязательно надо было всё усложнить.

– Сань, — окликаю её.

– Александра!

– Слышь, Александра: когда, говоришь, тебе общагу дадут?

– Когда я заработаю на аренду и сниму комнату в общежитии. Только ма не говори. Она не знает.

Заеб...

Приятно проснуться утром не от воя газонокосилки.

Ещё приятнее, повернувшись на другой бок, уткнуться лбом во что-то мягкое и приятно пахнущее фруктовым гелем для душа.

Вслепую нащупываю препятствие, понимая что это бедро. Женское бедро. Лица опять проснулась раньше меня и уже...

Стоп. Какая к чёрту Лица?

С трудом разлепив один глаз, фокусируюсь на Горошке. Сидящей на **моём** разобранном диване! Поднявшей под спину **мою** подушку!

— Доброе утро, — бодро и беспечно откликается она, мазюкая губы перламутровым блеском. Неторопливо заканчивает, захлопывает пудреницу, в зеркальце которого смотрелась, убирает всё в косметичку и только тогда переводит взгляд на меня. — Я тоже люблю спать голышом, а этой ночью было прям особенно душно.

Чего? В смысле, голышом?

Когда до меня, наконец, доходит, **куда** именно она смотрит, поспешно накидываю одеяло на утренний стояк, топорщащийся через ткань боксеров.

— Какого чёрта, Сань!?

Глава вторая. Новая квартирантка

РОВ ШМЕЛЬ

— Прости, — скорее для галочки, нежели действительно из чувства вины, извинятся та.
— Я зашла чисто спросить, но ты так крепко спал, что не добудилась. Пришлось ждать.

Пришлось, блин, ждать. И как долго она торчала рядом? Судя по частично опустевшей кружке, прихваченной с собой — долго.

— Записывай новое правило — в комнату заходить только после стука и ответа, — с досадой выдёргиваю из-под её спины подушку и откидываюсь на неё, подложив под затылок согнутую руку. — Спрашивай. Что там у тебя?

Неловко, судя по всему, только мне. Малявка беззаботно попивает кофеёк и в ус не дует.

— Во-первых: где лежит утюг? Я всё обыскала — и не нашла.

— Ищи в магазине. У меня его нет.

Новость Сашу не радует.

— Прико-о-ольно. И что делать? У меня в чемодане все вещи помялись.

— Сочувствую. В стиралке, конечно, есть режим глажки, но это шляпа. Очередной маркетинговый ход.

— И как же ты свои вещи гладишь?

— Да никак. Они пока сушатся, сами как-то вытягиваются. Что-то ещё?

— Да. Какая маршрутка едет до Первомайской?

— Зачем тебе туда?

— До колледжа хочу доехать. Надо довести оригиналы документов. Ну и посмотреть, где буду учиться.

Растираю сонные глаза.

— Я тебя подвезу.

— Не надо. Хочу по городу пройтись, до набережной прогуляться. А на обратном пути в магазин зайти, продуктов купить. Думала завтрак приготовить, но изо льда мало чего можно сварганить. Только вот сбережений у меня немного. Всё на билет ушло... — вытянув губы трубочкой, невинно хлопают накрашенными ресничками.

Ну понятно. Меня караулили, чтоб денег выпросить. Годы идут, ничего не меняется.

С-стабильность.

Собираюсь встать, но вовремя вспоминаю о своём "неглиже", от которого топорщится одеяло.

— Подай джинсы. На спинке кресла висят, — моментально жалею о своей просьбе. — Мать твою... Обязательно через меня это делать, кобылка?

Запрыгнувшая на меня Горошек вышибает из лёгких дух. Чуть рёбра своей тушкой не переломала, хотя внешне пушиной смотрится.

— Прости, — тянутся к стоящему рядом креслу, нависая надо мной и щекоча кончиками волос.

— Приятный запах, — не могу не заметить, вдыхая сладковатый земляничный шлейф духов.

— А вот тебе не помешало бы почистить зубы.

Надо думать.

— На личности переходим? Окей. Ты бы тогда, приличия ради, лифчик надела, — парирую я. И за дело: через белую ткань футболки без труда проглядываются торчащие бугорки сосков. — Смотрится похабно.

Не говоря о том, что неуместно. И самую малость... возбуждающе.

Чёрт, я не виноват. Это физиология.

— Не нравится — не смотри, — резонно замечают, бросая на меня добытые джинсы.

Тоже верно. Через силу заставляю себя отвести взгляд от аморального, но залипательного зрелища, переключаясь на потрошение карманов.

— Хватит, чтобы купить пожрать? — протягиваю пятитысячную.

— Вот это бутербродик, — удивлённо округляют кукольные глаза, отбирая у меня сложенную пополам стопку. — Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, восемьдесят три... четыре... — в ход идёт математика. Правильно, чем ещё заняться в девять утра? — Тут, как минимум, три маминых зарплаты. Всегда носишь такие суммы столь небрежно?

— Не успел на карточку закинуть.

Прибыль от гонок всегда идёт наликком. Чтоб избежать лишних вопросов налоговой.

— Это всё твоё?

— Нет. Дали погонять на денёк, — усмехаюсь. — Глупый вопрос. Конечно, моё.

— Не знала, что инструкторы по вождению так хорошо получают.

— Тебе и это доложили?

— Не мне. Просто твоя мама часто общается с моей по телефону, а стены в доме тонкие.

— А я паршивая лежанка. Слезть не хочешь?

А то мне поджимает в одном месте. И уверен, ей тоже это хорошо ощутимо.

— Агась, уже, — внаглую свистывают ещё одну оранжевую купюру, и бросив насмешливое: "*На уют*", резво соскакивают с меня, заставляя охнуть, потому что её коленка не очень удачно прилетает в солнечное сплетение.

Лежу, оставшись один, слушаю шебуршание в коридоре и тихо охреневаю, потирая ноющее место.

Батут, дойная корова...

Спорим, это только начало? Что дальше?

А дальше я превращаюсь в нудящего деда-пердеда. Вечно всем недовольного и без конца ко всему придирающегося, потому что Саня, на правах старых знакомых, беспардонно садится на шею, болтая оттуда свесившимися ножками.

Да, холодильник заметно раздуло. Курьер чуть грыжу не заработал, когда затаскивал тюки в квартиру, зато полки теперь ломаются от изобилия.

Я прям охренел, когда нашёл на них шоколадную пасту, баррикады йогуртов и глазированных сырков. Сто лет такого не ел.

Но ещё больше охренел на следующее утро, когда квартиру накрыл убойный аромат жареной яичницы с беконом. А в обед окончательно выпал в осадок от запаха свежесваренного рассольника.

Наверное, плита тоже в шоке. Её ж натурально лишили девственности, так как она отродясь не знала, что на ней может готовиться что-то ещё, кроме воды в чайнике, а тут такая гастрономическая оргия.

Как бы да, это реально круто, однако на появлении в доме нормальной еды все плюсы женского пребывания и заканчиваются. Потому что малявка плевать хотела на правила и решила установить свои.

Ванная комната за СУТКИ превратилась в склад баночек, скляночек, тубиков и пластиковых контейнеров со всякой хренотенью. Полка за зеркалом, в которой максимум что всегда лежало — презервативы, аптечка и запасное мыло, теперь едва закрывается.

На боковых полках картина не лучше: шампуни, гели для душа, кондиционеры, масло для тела, солевые бомбочки и прочая лабуда отгеснили мой одиноко стоящий в углу бутыль "два в одном".

На до того пустых стеновых крючках теперь болтается фен, об который я уже трижды плечом проехался и плюшевый ядрёно-оранжевый халат с мордой лисы.

В стакане обосновалась ещё одна зубная щётка.

Мда.

Стою на пороге, смотрю на всё это безобразие, с тоской вздыхаю и... закрываю дверь. Типа, не видно — значит, этого нет. Радует только то, что это временные неудобства.

В остальных частях квартиры, к счастью, дела обстоят немногим лучше, но присутствие постороннего за рекордно короткий срок угадывается теперь, блин, повсюду! Начиная с босоножек в коридоре и заканчивая...

— Мать твою, Саша!!! — ору на всю квартиру, хватая раскалённую плойку, оставившую почерневшую вмятину на дэспэшной поверхности.

— Что такое? — вопросительно высовываются из комнаты.

— Ты решила мне квартиру спалить? — машу перед ней агрегатом. — Запаха не чувствуешь?

— Ой, забыла из розетки выключить, — торопливо забирают плойку, ойкая и дуя на пальцы.

Забыла она! А в следующий раз что забудет выключить? Новокупленный утюг? У неё, кажется, вообще фишка такая: забывать. Свет выключить в туалете. Режим лейки. Морозилку не до конца запереть.

— Далеко намылилась? — недовольно оглядываю её внешний вид.

Чёрные джинсы и белая кофта с рукавами, открывающая плечи, мало похожа на пижаму. Как и подкрученные белобрысые завитушки смутно напоминают затянутую на сон грядущий гулю.

— В клуб. У меня вроде как свидание.

В клуб. Свидание.

— Какое ещё нахрен свидание?

— Обычное. Я вчера кое с кем познакомилась...

— И каковы шансы, что он не маньяк?

— Не знаю. На вид вроде ничего.

Супер. Сутки в городе и уже на стрелку собралась с первым встречным.

— Раздевайся. Свидание отменяется.

— Это шутка?

— Похоже, что я шучу? Забыла правило: отбой в одиннадцать. А сейчас сколько время? Я подскажу: начало одиннадцатого. Сомневаюсь, что за сорок семь минут получится полноценное свидание, так что переноси его на дневное время.

Горошек недобро шурится.

— Ты издеваешься?

— Нет. Я за тебя отвечаю.

Мне потом что говорить её матери, когда она вернется домой с брюхом? И её, и своей. Обе же с меня три шкуры спустят. За то, что не углядел.

— Ты много на себя берёшь. Я и сама за себя могу ответить.

— Не думаю. Раз уже уши развесила.

Саня начинает злиться, забавно пунцовея пятнами.

— Если ничего не знаешь, просто молчи. Сам-то куда собрался? — окидывают взглядом меня.

Ну как бы да, я тоже одной ногой на пороге.

– По делам.

Суббота, сезон гонок в самом разгаре. Старт первого заезда через час, но орги уже там, поэтому слегка задерживаюсь. Имею привилегию на правах "учредителя".

– То есть, у тебя могут быть "дела" в это время суток, а у меня нет?

– Именно.

– Двойные стандарты, не находишь?

Возможно. Но где её потом искать?

Требовательно протягиваю ладонь.

– Ключи.

Запасные. Те самые, что я сам ей дал буквально вчера вечером.

– Зачем?

– Чтобы не вздумала улизнуть тайком.

– Я и не собираюсь "тайком". Я уйду в открытую. И не надо строить из себя строгого папочку. Тебе не идёт.

Понеслась езда по кочкам.

– Ключи. А то "папочка" достанет ремень.

– Нет, — упрямо скрещивают руки на груди.

– Ладно. Сам найду.

Обвожу взглядом коридор, но на видном месте лежат только три моих связки: от хаты, мотоцикла и Хаммера. Зато висит женская сумочка на длинной цепочке.

Саня прослеживает траекторию и кидается наперерез, первой вытаскивая связку.

Вытаскивает и прячет за спину.

– Что за детский сад, малявка? — уже тоже начинаю злиться.

– Кто бы говорил.

– Ради тебя стараюсь, бестолочь. Спасибо потом ещё скажешь.

– А как же совершение ошибок ради роста личности?

– Ну, если внеплановый перепихон в общественном сортире клуба для тебя — рост личности, тогда конечно.

– Богатый опыт?

Язва. Пусть и недалеко ушла от истины.

– Ключи.

– Нет.

– Иначе силой заберу.

– Попробуй, — связку прячут под кофту. В смысле буквально **под кофту**. Засовывая в лифчик. Спасибо, что он хотя бы сейчас на ней.

Скептически изгибаю бровь, всем видом спрашивая: ты серьёзно?

– Слушай, у меня нет времени с тобой тут забавляться.

– Так и езжай, куда собирался. Но если тебе прям неймётся контролировать каждый мой шаг, можешь, так и быть, взять меня с собой.

О, да. Ей вот прям на сборище сорвиголов, у которых вентили от адреналина срывает, самое место.

Нет уж.

Что клуб, что сходки стритрейсеров — одна помойка, где хорошеньким юным девочкам совершенно не место. Сожрут и не подавятся, будь она хоть трижды кусачая и с характером.

– Не, не вариант, — отрицательно качаю головой.

– Не вариант — это тухнуть в четырёх стенах. Девятнадцать лет тухла под надзором. Как же вы уже не поймёте: я свободы хочу! Дышать хочу, а не отчитываться за каждый шаг.

Нет. Ну это-то как раз понять можно. Сам потому и свалил в крупный курортный город, где можно развернуться. Но блин, опять же — я парень.

– Значит, поступать надо было куда-нибудь в Сибирское ПТУ. Там и воздух свежей, и родственников в ближайшем радиусе нет.

– Ты мне не родственник.

– Тем более, — айфон в кармане раздражающе жужжит, оповещая о входящих сообщениях в рабочем чате.

Блин! Мне уже реально надо ехать, а я тут в бирюльки играю.

Игнорируя возмущённый вопль, лезу Горошку в лифчик, отыскивая клад. Для этого приходится, конечно, забраться в самую чашечку: нащупывая то, что нащупывать совсем не стоит.

Что, признаться, слегка обескураживает...

Ладно, неважно. Главное, результат себя окупает. По всем фронтам, так сказать...

Так, всё. Отбой придури.

– Мне понравилось. Как-нибудь повторим, — хмыкаю, прихватывая ещё и свои связки. Оставляю в ключнице только брелок от тачки. Сегодня поеду на байке, быстрее будет.

– Ты не посмеешь, — злобно шипят, наблюдая за тем, как я влезаю найки.

– Уверена? Смотри, — салютую ей на прощание и ухожу, запирая дверь.

На все замки. Для надёжности.

Видимо, Горошек обиделась. Потому что с утра долго не выходит из комнаты. Если она вообще там. Хотя сомневаюсь, что у неё хватит мозгов лезть по балконам. Всё-таки восьмой этаж.

Вламываться в как бы свою же, но по факту уже чужую спальню тоже вариант так себе, поэтому, дабы убедиться в том, что никому не взбрело в голову совершать опрометчивых поступков, вежливо стучусь.

Ответа нет.

Ок. Пойдём чуть дальше.

Не в целях вуайеризма, а чисто из беспокойства аккуратно приоткрываю дверь, заглядывая внутрь, а там...

А там будто цыгане всем табором устроили ночлежку. Устроить устроили, а убраться за собой забыли.

Чемодан распотрошён и завален скинутыми сверху тряпками. Шкаф-купе распахнут настежь, выставляя на обозрение хаос. Одежда на полках не сложена — кручёным пасом закинута, а рукава свитеров дохлыми змейками свисают. Теперь понятно, чего у неё все вещи мятые — если их так комкать, там и уют не поможет.

И полки — не единственное место, где уже образовалась помойка. На подоконнике вывалена свалка из косметики. Под батареей выставлена баррикада обуви, которой что-то как-то дохрена. На полу, рядом с кроватью, валяется незакрытый ноутбук, зарядка, наушники и пачка от чипсов. Одеяло там же, почти целиком свалилось с постели.

Настолько опешиваю от свинарника, в который превратилась стерильная спальня, что с опозданием замечаю то, что искал: торчащие миниатюрные лодыжки. Скольжу по ним выше и...

Смущённо прикрываю дверь.

Ладно, признаю: вламываться без приглашения было не лучшей затеей. Зато теперь точно знаю, что Саня на месте. Просто спит как сурок. Почти в чём мать родила.

Возвращаюсь на кухню, заваривая кофе и доедая рассольник. Прямо из кастрюли и не грея. Ночь выдалась насыщенной, времени перекусить не было, так что приехал под утро голодный как медведь после зимовки.

Уже доедаю и домываю посуду, когда слышу позади лёгкие шаги.

– Разбудил гроыханием? — спрашиваю, не оборачиваясь.

– Да нет. Сама встала.

Ставлю кастрюлю на сушилку, стряхиваю капли с рук, выключаю кран, разворачиваюсь на девяносто градусов и... застываю в оцепенении.

– Санёк, — как поделикатнее выразиться? — Ничего не забыла?

– Например? — беззаботно почёсывают одну ногу другой, привставая на цыпочки и доставая из верхней полки банку кофе.

– Например, одеться.

Потому что она не стала особо себя утруждать: в чём спала, в том и вышла: в трусах и тонкой маечке. Единственное, что додумалась накинуть сверху рубашку.

Кстати, мою рубашку.

– Так я одета.

– Нет. Ты раздета.

И я вижу слишком много того, чего видеть мне не стоит.

– На мне больше одежды, чем на тебе, — резонно замечают с премилейшей улыбочкой. Сама невинность, блин. Была бы, если бы не хитрый взгляд, скользящий по моему телу.

Ладно, аргумент засчитан. Я как приехал — сразу шмотки в стиральную корзину закинул, но спортивки-то, во всяком случае, не забыл натянуть. В отличие от неё.

А штаны у неё есть. Много. Я видел.

– У меня хотя бы все стратегически важные места прикрыты, — замечаю.

– Как и у меня, — беспечно пожимают плечиком, от чего рубашка плавно стекает по нему, падая до локтя.

Ноль стеснения, ноль неловкости.

Что вчера, пока она прыгала на мне. Что сегодня.

Мне кажется, или это открытая провокация?

Пока обмозговываю эту мысль, Саша идёт ещё дальше — приближается вплотную ко мне, заставляя напрячься. И напрячься, и успеть навоображать, что последует дальше, и даже немного завестись от её внешнего вида...

Капец.

Я хз, откуда это дерьмо в моей башке, но когда, не отрывая от меня взгляда, она тянется вовсе не ко мне, а к сушилке позади, подцепляя недавно помытую кружку, чувствую сосущее под ложечкой разочарован...

Мать твою! Откуда вообще эти тупые мысли?

Я ведь её с рождения знаю. В песочнице с ней ковырялся, куличики лепил. На пруду учил плавать. От издёвок местных придурков защищал. Да, пусть потом наши дорожки разбежались, но она ж мне всю жизнь кем-то вроде младшей сестры была...

И какого тогда хрена, спрашивается, у меня встаёт сейчас на её зад, едва прикрытый кружевами?!?

Так. Вдох-выдох.

Отворачиваюсь от греха подальше, щедро плеская фильтрованной воды в стакан. Несильно помогает, но хотя бы есть повод на тарашиться на неё так явно.

Горошку же всё нипочём. Меланхолично заваривает кофе, перемешивает сахар, будто нарочито медленно облизывает ложечку, прихватывает купленное ею же печенье и, вставив яблоко в зубы, походкой от бедра удаляется к себе.

Она уходит, а я до хруста в костяшках стискиваю столешницу. Размышляя о том, что надо бы принять прохладный душ. Остудиться.

Больше обходится без инцидентов. К счастью.

После ванной, в которую всё-таки себя засунул, чтобы вымыть всё лишнее, отрубаясь до полной отключки. Сказывается недосып.

Когда просыпаюсь, на плите стоят ещё тёплые макароны по флотски, а на столе лежит записка:

"Ключи забрала, ушла гулять. Вернусь, когда вернусь".

Вернусь, когда вернусь. Зашибись.

А когда она вернётся?

Сегодня? Завтра? Послезавтра?

Вот и что мне делать с этой дохера самостоятельной девицей? Продолжать прессовать? Никаких нервов и времени на это не хватит. Закрыть глаза и пустить всё на самотёк? Ага. И потом обтекать, когда польётся ушат говна с обеих сторон.

Блин, и вот оно мне надо?!

Обязательно было втягивать меня в это болото?

Теперь я же по определению буду во всём виноватый. Для Санька — потому что монстр, для её матери — разочарованием, потому что недостаточно впрягаюсь.

Треш. Просто треш.

Но макаронки вкусные. Что-что, а готовить Горошек умеет. Видимо, пришлось научиться стряпать, так как тётя Нинель часто работала в две смены, чтобы в одиночку тянуть двоих детей.

Обедаю, собираюсь по звонку, еду на стрелку с Борзым, чтоб кое-что перетереть по "работе", возвращаюсь к закату, а Сани всё нет.

Нет её и когда часовая стрелка переваливает за десять.

И за одиннадцать.

И за полночь.

Лишь к половине третьего в дверном замке поворачивается ключ.

Вытекаю в коридор встречать, что уж делать. Разбор полётов, все дела. Всё строго по методичке.

— Не загулялась, барышня?

Когда понимая, что незаметным её возвращение не остаётся, включается свет — с удовлетворением отмечаю, что она более чем целая. Не побитая. Одежда на месте. Колготки не порваны. Даже макияж не поплыл.

Уже радуется.

— Отстань, а, — стаскивая с ног босоножки, бурчат недовольно. — Чего не спится? Сказку на ночь ждёшь?

— А ты ремня, по всей видимости.

— Рискни. Сниму побои и заяву в ментовку напишу.

Ля, какие мы дерзкие.

— Как свидание?

— Превосходно. Нашла работу.

Эээ...

— Не улавливаю взаимосвязи.

— А я не говорила, какое это было свидание. Романтическое или деловое.

Оу. С лёгким угрызением совести чешу пальцем затылок. А хотя...

Нет. Угрызений нет. Потому что дело явно мутное.

Кто намыливается на собеседование на ночь глядя? Даже проститутки днём все свои бюрократические вопросы решают.

- И что за работа?
- Меня устраивает. А вот тебе не понравится.
- Начало что надо.
- Почему?
- Потому что.
- Эй, Санёк. Давай-ка без вот этих твоих выкрутасов. Карты на стол.
- Александра.
- Аааа.
- Слушай, Александра. Не буди зверя. У него и так проблемы с менталкой.
- Так пусть займётся йогой. Говорят, медитация успокаивает.
- Вот же... колочка.
- Саша, что за работа?
- Александра, — хлопают дверью моей, блин, комнаты. Не забыв на прощание ребячески высунуть язык.
- Не, ну точно за ремень братья придётся.

Глава третья. Девочки-зажигалки

РОВ ГОРОШЕК

Новый город — это стресс.

Новое учебное заведение — это стресс.

Новый круг общения — это стресс.

Новая работа — это, ёмаё, всё тот же стресс.

И это если по отдельности. А когда всё наваливается скопом? Тогда получается уже не стресс, а какое-то уничтожающее нервные клетки мегакомбо.

Но это если смотреть на всё с позиции пессимизма. Что на самом деле, занятие эмоционально выматывающее и априори неверное. Поэтому лучше обыграть ситуацию иначе:

Новый город — это в первую очередь, свобода и новые возможности.

А насколько здесь красиво!

Пляжи, море, набережная. Куча развлекух и ещё больше классных мест, куда можно съездить. Курортная столица, где облагорожено, уютно и созданы все условия для жизни.

Это не наша задрипанная глубинка, где среди перекосившихся заборов единственным сборным пунктом для проведения досуга является обшарпанное ДК, а до магазина надо ехать на велосипеде.

Разумеется, я хотела и старалась поступить где-нибудь здесь, ближе к центру. А не в Сибири, как съехидничал Даня.

Что делать в Сибири? Какие там перспективы? Такие же, как дома? Вот уж спасибо.

Далее.

Новый колледж — тут тоже оказалось всё многим лучше, нежели ожидалось. Первые дни показали, что творческие люди — персоны с придурью, но придурь эта перекликается с моей.

Так что с одноклассниками коннект вроде как медленно налаживается. Хотя, конечно, осторожность и отстранённость в общении присутствует. Пока мы только друг к другу присматриваемся.

Ну и новая работа...

Да, здесь поджилки трясутся, потому что такого опыта за мной ещё не водилось, однако энтузиазм и азарт пересиливают опаску перед неизвестным. И даже страх перед неминуемыми последствиями, когда Шмелёв узнает: куда именно я устроилась.

Собственно, ещё один головняк — Даниил Шмелёв.

Моя первая сильная влюблённость.

Боже, как я сходила от него с ума! Тогда он уже казался мне таким взрослым, таким притягательным...

Самым красивым парнем на районе, вокруг которого девчонки не просто вились толпами, а вены себе публично резали, желая привлечь его внимание. Я до этого не скатывалась, конечно, мозгов хватило, но поплыла так же, как и многие.

Правда наткнулась на глухую стену.

Совершеннолетия, с другими интересами, Даня естественно на меня, очкастую и несурную, внимания не обращал. Для него я была кем угодно: малявкой, другом, не единокровной младшей сеструхой, но только не девушкой.

С учётом того, что у меня тогда даже грудь толком ещё расти не начала, неудивительно. Она, конечно, и сейчас решила объявить мне бойкот, однако оглядываясь назад и вспоминая ту, какой я была, очень странно, что Шмелёв меня в принципе не стеснялся. Потому что звание серой моли было закреплено за мной негласно.

Сеструха, блин. Ага, как же.

Чушь всё это. Да он терпел меня рядом только потому, что наши мамы близко общались, а я была навязчивой прилипалой.

Годы показали, что никакими братскими чувствами там и не пахло — "сестёр" не вычёркивают из жизни, едва удаётся сбежать в большой город. Их поздравляют хотя бы на день рождения. Хотя бы задрипанной клишированной картиной из интернета.

Когда Даня только уехал, полностью вырезавшись из моей вселенной, было больно. Но не зря говорят — время лечит. Хотя, если честно, не столько оно лечит, сколько приглушает обиду. Помогает принять поменявшиеся условия и свыкнуться к ним, но не более.

И я правда думала, что меня отпустило!

Держалась особняком ровно до того момента, пока поезд не тормознул на станции. Была уверена, что его предупредили и меня встретят на перроне, где я такая, красивая и независимая, вывалюсь из вагона, но...

Но увы.

Возможность эффектно появиться с треском провалилась. Пришлось топтаться на его пороге, как последней попрошайке, кланча: "Дай попить, а то есть так хочется, что переночевать негде".

Позорнее не придумаешь.

Особенно если учесть, что я-то была уверена в том, что о моём приезде не только знают, но и СОГЛАСИЛИСЬ приютить меня. Как заверила мама.

А тут явилась, видите ли. Не сотрёшь.

Блин! Его лицо надо было просто видеть. Там же такая шоковая протрация светила, будто он привидение увидел.

Хуже этого только то, что от одного взгляда на Шмелёва меня сама снова накрыло знакомое цунами, потому что он стал ещё...

Ну, это словами не описать.

Высокий, широкоплечий, кареглазый блондин. В потрясающей физической форме. С собственной квартирой в элитном районе, окна которого выходят на море. При деньгах.

Кто бы мог подумать, что местный раздолбай и шпана, доводивший учителей до ручки, превратился в тот самый тип парней, которых мы видим исключительно по телеку, пускаем на них слюни и упорно не понимаем: да где таких красавчиков в реальности-то встретить??

А вот тут! Вот он! Всего-то и надо, что руку протянуть, только есть ли толк? Ведь его отношение ко мне ни на грамм не изменилось и тут уж никакой апгрейд не поможет.

Мои же чувства...

Да неважно, что с ними. Сейчас вообще о другом думать надо. Например, о "сценическом костюме", который мне вручили. И который мне, кхм, придётся надеть.

Знаете, что он из себя представляет?

Эээ... Как бы описать...

Видели современный вариант женской портупей? Ну той, которая суперсекс на всё тело? С кучей всяких ремешков. Только есть грубые кожаные, уходящие в дебри извращённого БДСМ, а есть мягкие, тканевые. Очень приятные наощупь.

Вот у меня последние. Кислотно-жёлтые.

Собственно, всё. На этом укомплектование закончено. Остальное оставили за мной: найти чёрный низ. Такой, в котором я буду выглядеть соблазнительно, но при этом не шлюхой на выгуле.

И туфли.

Надо отыскать удобные туфли на устойчивой платформе с каблуком. В идеале подошла бы обувь для стрипластики, но на неё, опять же, нужны деньги, так что пока возьму любимые босоножки на высоком подъёме. Они как раз чёрные и с похожим плетением.

Вообще, как я поняла: там в принципе топят за стилистику. То есть девочки не просто надевают что хотят, а соблюдают общую недельную "тему" и цветовую гамму.

Да и в целом у них вроде как сто-олько движухи разной вечно происходит, что мне заочно становится и жутко интересно, и дико стрёмно одновременно.

Ой, мама. На что я только подвизываюсь?

Вопрос риторический, если что. Маме знать не обязательно...

Откровенно говоря, мне прям конкретно подфартило попасть в этот клуб-бар. Он находится на набережной, в самом центре ночной жизни города, и по отзывам, а я тщательно промониторила данный момент, пользуется большим спросом.

Вообще, изначально, когда я бродила и спрашивала во всех местных забегаловках, работающих допоздна, про вакансии, упор шёл на что-то более... нейтральное. Типа официантки.

Но получилось слегка не так.

— Эй, Мэрилин Монро, что ищешь? — заметил меня курящий возле входа бородатый парень. Массивный такой, в теле. Но несмотря на байкерскую грузность и излишнюю оброслость, весьма приятный на вид. Не отталкивающий.

— Работаете здесь?

Это было как-то очевидно. Выбегавшего в перерыв сотрудника легко определить даже без именного бейджика.

— Ага.

— Вам официантки не требуются?

— Требуется. Валя замуж недавно вышла, ищем замену. Только у нас официантки-танцовщицы. Два в одном.

— Танцовщицы — в смысле, стриптизёриши?

Мне кивают на огромное название заведения.

— Ты там видишь где-нибудь приписку "стрип".

— Нет.

Только "Cafe. Dancing. Karaoke".

— Значит, танцовщицы — в смысле, танцовщицы. Девочки гоу-гоу для подогрева посетителей, которые в перерывах носят напитки.

Ооо...

— И с кем можно обсудить возможность собеседования?

Каким взглядом меня окинули: рентгеновским. Залезая под одежду и без стеснения высматривая "входные данные".

— На внешку ничего. Зайдешь публичке. А танцевать умеешь?

— Умею.

— Уровня: мы все шальные императрицы, если под градусом?

— Нет, — без разогрева делаю растяжку, задирая ногу до головы. Благо тянущиеся легинсы позволили. — Уровня — не разочаруетесь.

Парень довольно усмехнулся.

— Приходи завтра. Часов в одиннадцать. Посмотрим тебя.

— Договорились.

Ага. Договорились, но в назначенный час я не пришла, потому что Даня меня запер. Я уж думала, всё — полный пролёт. Kontakтами-то мы никакими не обменялись, а номер телефона, взятый в сети, не отвечал.

Прибежала на следующую ночь с повинной, придумала сто пятьсот отмазок, состроила жалобные глазки и мне всё-таки дали возможность. Правда, предварительно почти раздели, чтобы оценить "товарный вид".

А вот смотреть физические способности не стали, аргументируя тем, что увидят, на что я гожусь уже в деле. Более того, тонко дали понять, что смазливому личику огрехи по большей части прощаются. Главное, улыбаться побольше и кокетничать с посетителями, чтоб те оставались довольны.

В общем, объяснили вкратце принцип работы, озвучили ставку за выход, график, обязанности и, получив согласие, вручили портупею, велев приходить в следующую пятницу к восьми вечера. На стажировочный день.

И вот я пришла. Предварительно свалив из дома пораньше, пока Даня отсутствовал. Не знаю, как дальше мы будем решать этот момент, потому что такая игра в догонялки ничем хорошим точно не закончится, но чем лишний раз слушать нотации, лучше избежать их вовсе.

Стою перед красивым двухэтажным заданием, подсвеченным синим неонам и украшенным гирляндами. Со стороны дороги видно лишь фасад с привлекающими внимание вывесками, а вот главный вход за углом: с летней верандой, укрытой от дождей деревянным навесом и драпированной тканевыми шторами.

Что снаружи, за уличными столиками, что внутри ни одного посетителя. Правильно. Открытие только через час, пока же пустившая меня уборщица намывает полы большого зала, а Влас, тот самый недобайкер, подготавливает рабочее место: прибирает барную зону и проверяет запасы алкоголя в стеклянной нише.

— О, новенькая явилась, — хмыкают, приветственно кивая. — Готова покорять мужские сердца?

— Это вроде в мои обязанности не входит.

— В твои обязанности входит делать так, чтоб народ заводился от твоих танцев, шёл танцевать, ловил сушняк и бежал скупать выпивку.

— Хитро.

— А то как же. Если клиенту здесь кайфово, он задерживается и отстёгивает больше бабла. Больше бабла — выше прибыль. Выше прибыль — довольно начальство. Довольно начальство — довольная ты от капающих тебе премий. Улавливаешь цепочку?

— Более чем.

— Ну вот, молоток. Поэтому твоя основная задача не только танцевать, но и нравиться. Думаю, проблем с этим не возникнет. Ты симпатная.

Не сказать, что это лучший комплимент, который когда-либо мне отвечивался, но с учётом того, что я всё ещё не научилась принимать их, не ища подводное дно и издёвку, всё равно приятно.

— На том и порешили.

— Ага. Ну чё? — бросив на столешницу висящее на плече полотенце, огибают стойку и, приобняв меня за талию, уводят в глубину помещения. — Пошли, экскурсию устрою. А там и девочки как раз подъедут. Познакомишься. Коллектив у нас дружный, так что быстро освоишься.

Из-за удачного расположения в курортной зоне караоке-бар "ВВ" работает ежедневно: с полудня до четырёх-шести утра. В зависимости от дней недели. Ну и потому, что поделён на три зоны.

Первая зона — кафе: спокойное и тихое место на первом этаже с мягкими велюровыми креслами, где подают завтраки и бизнес-ланчи.

Особая фишка стилистики — много зелени. Искусственные, но "прорастающие" прямо в центре зала раскидистые деревья выглядят мало того, что как настоящие, так и ещё и весьма эффектно.

Вторая зона — караоке. Эта часть зала на втором этаже оживает уже ближе к вечеру. Акустика, сцена и еженедельно проводящиеся тематические вечеринки — очень атмосферно.

Ну и третья зона, моя — dancing bar. Полумрак, просторная квадратная барная стойка в центре зала, прикреплённые к ним шесты, заряжающая музыка и звон стеклянной тары.

Народ неторопливо собирается, заполняя отрезанное от мира помещение без окон и часов. Тайком наблюдаю из-за за служебной части за тем, как посетители, скромно занявшие забронированные столики, с каждой минутой раскрепощаются всё больше.

Сексуальные бар-гёрл активно им в этом способствуют, не только профессионально разливая выпивку, но и разжигая аппетит открытым флиртом.

Штат здесь, конечно, приличный — территория-то большая. Официантки (в кафе работает даже несколько парней, но в остальных зонах было решено отдавать привилегию за красивыми девочками), несколько поваров, хостес, охрана, МС, диджей, ведущая, бар-гёрлы и, конечно же, девочки гоу-гоу. Что вот-вот заступят на смену.

Красотки, все как на подбор. С длиннющими ногами и внешностью топ-моделей. Я рядом с ними практически гном, даже на десятисантиметровых каблуках, но это не сильно парит: будем считать — в миниатюрности моя личная фишка.

А вот если что и напрягает — так это пропасть между нами. Во всём: в общении, поведении, подаче себя и их снисходительном отношении ко мне.

С последним-то ладно, всё очевидно — я новенькая, а они давно сплочённая и хорошо друг друга знающая команда, однако это их явное пренебрежение и бросающиеся невзначай замечания заметно действуют на и без того шатающиеся нервы.

— Волнуешься? — припудриваясь, усмехается Милана, краем глаза поглядывая на меня через отражение в зеркале.

Дело происходит минутами позже в женской гримёрке, насквозь пропахшей ароматами духов и терпкими маслами для тела. Небольшая комнатка вряд ли задумывалась для таких целей, поэтому вдоль стен едва умещаются туалетные столики и вешалки со сценическими костюмами. Яркими, блестящими, разноцветными и... минималистичными.

Собственно, то, что надето на мне сейчас мало от этого отличается: черные слипы с завышенной талией и вручную расшитый стразами такой же чёрный лифчик.

Когда-то обычный тканевый, чуть-чуть с пуш-ап, теперь же нарядно переливающийся на свету. Два вечера убила, ковыряясь с ним, но результат себя оправдал.

На остальных танцовщицах, а их в гримёрке пятеро, схожие наряды. Не прямо один в один, но благодаря цветовой палитре смотримся мы в тандеме.

— Не особо, — отзываюсь, борясь с треклятыми ремешками кислотной портупей. Если на тело всё наделось легко, то вот сзади на шее крюпочки никак не попадают в пазики.

— Очень странно для новичка. Когда я первый раз выходила — все поджилки тряслись.

— Мне не в первой выступать.

Грамоты, оставшиеся у мамы дома, не дадут соврать. Я участвовала в стольких танцевальных соревнованиях и конкурсах, что не сосчитать. Но почти голой перед пьяными мужиками мне, конечно, ещё не доводилось трясти задом.

Такой опыт будет впервые.

— Вот это настрой, — Милана заканчивает с макияжем, поправляя высокий конский хвост. — Только не задирай нос, чтоб не упасть. Ну и в панику не ударяйся, если тебя вдруг начнут лапать за лодыжки.

Оу.

— А это частое явление? — озадаченно подвисаю.

– Каждодневное. Особенно под утро, когда клиентура уже наела и отчёта своим поступкам не отдаёт. Один такой хрен недавно мне ногу прижёл окурком. Мудила.

– П-прикольно...

– Мил, ну чего ты человека страшашь? Нормально всё будет. Инциденты случаются, но это скорее исключение, — смеётся другая девчонка, Стелла. Красивая блондинка-шоколадка.

Да все девчонки будто только из солярия вылезли. Одна я — бледная зелёнка. Как меня обозвал Влас: русская версия Мэрилин Монро.

За причёску, так понимаю, окрестил.

– Я не страшю. Я предупреждаю, что это возможно. Главное, новенькая, лицо держи. Даже если тебя начинают трогать, реагируй спокойно и пресекай как можно мягче. С улыбочкой и кокетством.

Пресекать, но с кокетством... Оксюморон. Слабо представляю, как это должно работать на практике, ну да ладно. Разберёмся по ходу дела.

– И от чаевых не отказывайся, когда будут давать, — добавляет Стелла.

– Чаевых?

– Разумеется. Это основной источник дохода, выход-то копеечный, а любая танцовщица тратит большие деньги на внешний вид — косметика, хорошие танцевальные туфли, пошив костюмов, аксессуаров. По факту, мы уходим в минус, так что, если уж говорить откровенно — это совершенно неблагоприятная работа в смысле заработка.

– Ага. И поэтому приходится крутиться как только можно, — подключается к разговору Рита Умакина. Миловидная шатеночка, с усердием натирающая себя блёстками. — Берём подработки в других клубах, соглашаемся на допвыезды. Презентации там, корпоративы. Как-то я за одну ночь на три мероприятия в разные точки города моталась. А для Вики это вообще вторая работа, в будни она пашет в парфюмерном, по скидосу нам косметос, кстати, добывает.

– Тогда почему работаете тут, если платят так мало?

– А это ты сама поймёшь, когда залезешь в "стакан", — хитро улыбаются. — А если не поймёшь, значит эта работа не для тебя. Давай я тебя блёстками помажу. Будешь краси-ивая...

Я поняла.

Ощутила в полной мере каждой клеточкой тела, стоило мне впервые выйти к толпе, заняв место в специальной стойке-стакане.

Ехидство девочек по поводу моей самоуверенности сразу стало очевидным, потому что всё, что я умела, знала и к чему привыкла отныне смело можно выносить в утиль.

Здесь это не нужно.

Здесь работают совсем другие правила.

На соревнованиях-то я всегда танцевала заученную программу с готовыми номерами, но "гоу-гоу" — это в первую очередь импровизация. Танцевальный клубный стиль, объединяющий множество самых разнообразных направлений: r'n'b, локкинг, вогинг, стрип-пластика и... Да много чего ещё.

Так что девочки-зажигалки, как называют танцовщиц, работают исключительно в режиме экспромта, откликаясь на каждый новый трек, его настроение и ритм, что создаёт ощущение некоего «дыхания» в такт музыке.

Непривычно, да, но отсутствие строгой структуры и свободный полёт фантазии словно погружает в расслабляющий транс. И если первые минуты я стеснялась и зажималась, то дальше...

Господи, это такой кайф!

Атмосфера битком набитого танцующего клуба — словно квинтэссенция молодости, радости жизни и чего-то запретного. Того, что сводит с ума, заставляя кровь кипеть от переизбытка адреналина.

Я люблю танцы. Я обожаю танцевать. Делаю это столько, сколько себя помню. Это неотъемлемая часть моей жизни, и уж кому как не мне знать: насколько это физически адский труд.

Умение сексуально двигаться, чувствовать бит, прорабатывать мимику, молниеносно переключаться с одного стиля и переходить к другому, пластично двигаться, так, чтобы получалось с эффектами замедления — столько всего и пусть в целом это несложно технически, особенно если за плечами есть многолетние тренировки, но нагрузка на мышцы ложится просто колоссальная.

Особенно с непривычки. Особенно с жутко неудобной обувью, абсолютно не предназначенной для таких финтов...

Оттанцевав свои первые четыре трека, изящно прихрамывая, возвращаюсь под сопровождение охраны в заметно опустевшую гримёрку.

Передохнуть.

Загнанная как лошадь.

А ведь это только начало.

Впереди ещё, минимум, столько же таких заходов.

— Ну и как оно? — смеётся запыхавшаяся, потная, но вполне бодрая Стелла, танцевавшая одновременно со мной, только на барной стойке. Дыхалка сбита, поэтому, развалившись на маленьком диванчике раскорячившимся трупиком, лишь вскидываю большой палец. На большее нет сил. — Ничего, ничего. Привыкнешь. Держалась ничего, одобряю. Водички хочешь? — булькая кулером, протягивают мне одноразовый стакан. — Только пей понемногу, чисто промочить горло. А то потом двигаться сможешь только булькающим бочонком. И после каждого выхода подтирайся важными салфетками, иначе разить потом будет так, что все разбегутся.

— Ещё лайфхаки есть?

— Куча самых разных, — наклоняясь и перекидывая волосы вперёд, чтобы посушить мокрую шею, отзываются. — Как минимум главный: не снимай в перерывах обувь. Снова в неё уже не влезешь. Ноги страшно распухают, а у тебя ещё и костеломатели.

— Мозоленатератели, я бы сказала.

— И это тоже. Совет: обзаведись пусть одной парой, но качественных, нормальных танцевальных туфель. Конечности потом скажут тебе спасибо, поверь.

Устало салютую ребром ладони от взмокшего виска.

— Понял-принял.

Уже сама поняла, что надо. Не знаю, сколько "китайские" ремешки выдержат, но лишь бы не лопнули прямо в процессе.

Главной целью танца девочки гоу-гоу является, что?

Правильно. Разжигание желания в публике танцевать и веселиться. Как от главных заводил, от нас должна исходить бешеная энергетика, и если в начале смены это вполне реально, то к шести утра держать подачу на том же уровне становится сложно.

Особенно в первый раз.

Под самый конец оказывается совсем невыносимо. Ступни болят так, что каждый шаг достается, как андерсеновской Русалочке. Я будто ступаю по битому стеклу. Спина одеревеневшая, шею ломит, голова тяжелеет от недосыпа, но приходится держать лицо. Показывать слабость и усталость ни в коем случае нельзя.

Поблажек никаких. Несмотря на не оплачиваемую стажировочную ночь, работаю до упора. Вместе со всеми. Чтобы вкусить, так сказать, все прелести "профессии", с которой собираюсь связаться.

Рита говорит, что это такая проверка. Очень много новеньких отсеивается ещё как раз таки на "пробнике". Банально понимают, что не тянут, и осудить их за это никто не рискнёт.

Мне в эту секунду тоже кажется, что это всё для меня слишком, потому что переодеваюсь в своё, вылезая из натирающего костюма, я с единственной мыслью: "пристрелите меня, пожалуйста, больше не могу".

Однако когда Светлана, деловая дамочка в брючном костюме, работающая тут кем-то вроде арт-директора, интересуется: готова ли я прийти вечером снова и заступить уже в рабочую смену, не раздумывая отвечаю — "да".

Прозвучит странно, но если отбросить ДИЧАЙШУЮ усталость, я в восторге. Меня всю ещё потряхивает от переизбытка эндорфинов, а карман вдобавок приятно греет несколько сунутых клиентами купюр. Ну и то, что начальство меня негласно "одобрило", принимая в "штат", будем откровенны, тоже льстит, подпитывая энтузиазм.

А вот что не радует, так это дождь, который, оказывается, лил всю ночь. Да и сейчас мерзко моросит, заползая благодаря промозглому ветру прямо за шкирман.

Ёжась, бреду по не очень людной из-за непогоды набережной в сторону ближайшей остановки. Вот только не уверена, что хоть какой-то транспорт уже ходит в это время. Может, вызвать такси? Могу ведь себе позволить, раз мне подкинули денег.

Размышления прерывает скуление под дубом. Недоумённо сбавляю шаг, сдавая назад и замираю напротив пригорюнившегося добермана.

Добермана!

Не уличной бродяжки, а холёного, весьма поджарого пса. Красивого, со вставшими ушками, но ужасно грустными глазами и испачканной в некоторых местах короткой бархатистой шерстью.

Лежит, бедный, и мокнет.

Оглядываюсь по сторонам, ища хозяина, но те ранние прохожие, что пробегают мимо с зонтиками, вообще не похожи на собачников.

Снова оборачиваюсь к псу, а тот, не моргая, смотрит на меня, приподняв голову. Стоим и смотрим друг на дружку, пока морось медленно перерастает в полноценный дождь.

Блин. И вот как можно просто взять и уйти? Сердце же кровью обливается.

Делаю маленький шаг вперёд.

Доберман напрягается, предупредительно рыча.

Чуть выжидаю и снова предпринимаю попытку приблизиться, дружелюбно протягивая ладонь.

— Я тебя не обижу, если ты меня не обидишь, — тихо бормочу и зачем-то улыбаюсь.

Ага, будто его волнует моя мимика. Собаки — они же интонации считывают, на кривляния им плевать.

И, видимо, врага во мне не находят. Потому что позволяют присесть рядом на корточки и даже коснуться. Сперва с опаской, вдруг ещё тяпнет, но буквально через минуту-другую я его уже едва ли не тискаю как плюшевую игрушку.

Безумно приятную наощупь.

— Ты откуда такой? Убежал от хозяев? — ошейник отсутствует, но видно, что не уличный. Слишком ухоженный, если не считать налипшей грязи. — Голодный, да? А у меня с собой ничего нет, — и магазинов поблизости круглосуточных здесь тоже не имеется. Только кафешки.

Решение даётся непросто, но оставить его вот так: мокнуть и зябнуть не хватает совести.

– Пойдём. Там дома фарш был. Ты же ешь фарш? — жестом зову пса за собой, мысленно надеясь, что тот откажется и проблема автоматически решится.

Нифига. Подрывается с земли и послушно бежит следом.

Всё, деваться некуда.

Ох, божечки. Вот теперь Даня меня точно убьёт.

Глава четвёртая. Попадос

РОВ ГОРОШЕК

— Только умоляю, не шуми, — открываю входную дверь, на цыпочках заходя в квартиру и впуская пса. — Если он тебя увидит, ночевать под деревом придётся нам обоим... — надежда не оправдалась, Даня не спит. Дверь его комнаты приоткрывается и это становится сигналом для добермана. — Ну всё, мне крышка, — обречённо вздыхаю.

— Какого... — Шмелёв опешивает, когда на него из темноты с рычанием накидывается чёрное нечто, едва не сбивая с ног.

Торопливо включаю потолочные споты, не забывая нацепить на лицо "виноватую моску номер три". Из своего личного списка "виноватых мосек", давно проверенных на матери.

— Данечка, ты только не ругайся!

— Горошек, ты совсем берега попутала!? Это что ещё за адское создание!?

— Дань. Ну не могла же я оставить его на улице. Ты погоду видел?

— И что? Это значит, что теперь из моей квартиры приют можно делать? Да отцепись ты, — отмахиваются от любопытного пса, желающего проверить всё на зубок.

В том числе и человеческие пальцы.

— Это ненадолго, обещаю. Я займусь объявлениями. Он же явно чей-то. Наверняка убежал и хозяева его обыскались.

— Так оставь в том месте, где нашла. Тогда точно найдётся.

— Ну пожалуйста, Дань. Он не доставит хлопот.

— В самом деле? Прямо вообще никаких? — выразительно кивают на светлый ламинат, где уже красуются следы от грязных лап.

— Я всё помою!

— Не сомневаюсь.

— Это значит, что можно?

— Нельзя.

— Ну пожалуйста-а.

— Нет.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста-а-а... — складываю ладони в молитве, хлопаю глазами и по-детски надуваю губы.

— Не разжалобишь, так что можешь не стараться.

Ещё как разжалоблю!

— Ну пожа-алуйста... Я сама буду его выгуливать и кормить.

— Разумеется, будешь. Не хватало только мне с ним ковыряться.

— То есть, да? — хитро уточняю.

— Блин, Саня! Ты меня подловить хочешь, или что? Сказал же уже: псине делать тут нечего! Так что, чтоб вечером её тут не было.

Во-от, уже до вечера договорились. Дело сдвинулось с мёртвой точки.

— Спаси-и-бо, — повисаю у него на шее, благодарно кляя в колючую от проклёвывающей щетины щеку.

Опрометчивое решение, потому что колени тут же подкашиваются. Мапочки, как же он пахнет! Muskatom, остаточным сигаретным шлейфом и чисто мужским, едва уловимым запахом пота.

Мало того, он, блин, ещё и без футболки...

— Не за что благодарить. Это было не согласие. До вечера, поняла?

Ага, ага. А где до вечера, там и до утра. Знаем, проходили. Я так уговорила маму когда-то ёжика оставить. Нашла, застрявшего в заборе и истощенного.

Мы долго его выхаживали, но пришлось выносить на крыльцо, а то просто по-страшному шебуршал в коробке. Утром как-то выхожу, а в его "домики" зияет дырень. Свинья неблагодарная прогрызла себе проход и просто-напросто сбежала.

Объятия затягиваются. Надо их прекращать, но...

С ужасом понимаю, что у меня не хватает силы воли выпустить его. Чувствую его ладонь на спине, ведь он от удивления тоже приобнимает меня, и внутри всё переворачивается.

До мурашек.

До трёклятых бабочек в животе, которых не должно быть, но они всё равно повылезали из своих коконов. Зачем? Ну вот зачем? Кто их просил?

— Саша, — спускает меня на землю тихий голос возле уха.

— Ммм...

Боже, как же глупо я сейчас выгляжу! Теперь вдвойне не хочу отстраняться. Это ж тогда ему в глаза придётся смотреть, а у меня щеки пылают.

— Готовься, ща розги в ход пойдут.

— За что?

— Ты время видела? Где шлялась всю ночь?

Ой-ей. Всё, теперь точно надо отлипнуть.

И бежать. Как можно-можно дальше...

— У меня первый день на работе был... — смущённо отпрянываю, ища взглядом, на что можно переключиться.

Ага, Добик! Куда уже лыжи наострил? Туда нельзя. А ну иди ко мне, рычащее создание, будем принимать огонь поражения вместе.

— И на какой работе на себя выливают ведро блёсток?

Да, с блёстками косяк. Макияж-то я смыла, а вот эта мерцающая крошка оказалась настолько ядрёной, что не только не сошла, но и на свитер перекинулась.

— Теоретически, на любой.

— Саня, что за работа?

— Работа как работа, — ловлю тяжеленного пса, зажимая его бока ногами. Чтоб не рвался в Данину комнату.

Не могу не заметить, четвероногое существо удивительно быстро адаптируется на новом месте. Всё-то ему интересно, везде мокрый нос охота сунуть.

— Которая подразумевает отсутствие дома до утра?

— Ну так бары-то преимущественно работают ночью, — резонно замечаю, понимая, что за этим следует.

Пауза...

И взрыв.

— БАРЫ!?

— Я говорила, что буду искать вечерние смены, — поспешно напоминаю.

— Вечерние. Не ночные.

— Только давай без нотаций, ладно?

— Без нотации, добро. Просто говори название бара и адрес.

— Чтобы ты выклевал моему начальству мозги и заставил их меня уволить?

— Зачем заставлять? Они сами тебя попросят. Вежливо.

Блин, как же меня это достало!

— Тебе паспорт показать?

— Зачем?

– Чтобы напомнить, что мне уже есть восемнадцать. И, согласно закону, я имею право работать в любом типе заведений.

– Твоей матери так и передать?

Приехали. В ход пошёл примитивный шантаж.

– Передавай, стукач! Я вот тебя ни разу не сдавала. Ни когда ты пьяный в сарае отсыпался, пока тебя всей станицей искали, чтобы всыпать за разбитые окна. Ни когда ты автостопом вместо экзаменов в Тверь укатил. Даже когда ты меня едва на речке не утопил, и тогда слова не пикнула!

Шмелев от возмущения аж рот открыл.

– Вот последнее сейчас вообще подло было. Я за тот случай вроде как давно извинился.

Ага. Он-то извинился, а у меня до сих пор лёгкая аквафобия. Впадаю в панику, едва дно под ногами перестаю чувствовать.

– Так я и без претензий. Лишь намекаю, что сдавать меня матери будет с твоей стороны о-очень некрасиво, — с трудом увожу добермана в ванную, кое-как затаскивая крупногабаритную тушку под душ. — Но если хочешь, то конечно. Дерзай. Только сразу ещё один диван ищи. Должна же мамуля где-то ночевать, пока будет учить меня уму-разуму. Хочешь ещё одну незваную гостью?

Не хочет. Ой, как не хочет.

Уж Даня как никто другой знает, насколько ма у меня обстоятельная. Она здесь быстро наведёт свои порядки. Тогда не только я после отбоя никуда из дома не выйду, для Дани комендантский час тоже устроят.

– Горошек, ты... — цедят, обречённо скуля.

– Кто? — стягивая свитер и оставаясь в топе, ехидно переспрашиваю.

– Заноза ты в заднице, — вздыхают, устало прилипая к дверному косяку. — Вот кто.

Отлично. Маме докладывать точно не будут.

– Вовсе нет. Ты сам из всего проблему делаешь.

А Добику нравится купаться. Он прям с таким энтузиазмом ловит пастью воду, льющуюся на него из лейки, что я за минуту сама вся мокрая становлюсь.

– Как думаешь, почему? Ты хоть представляешь, какой контингент в этих барах ошивается?

– Именно по этой причине, во избежание инцидентов, и предусмотрена охрана.

– Хоть охрана есть, и то хорошо. И всё равно мне нужен адрес.

– Зачем?

– Чтобы забирать тебя.

Забирать и контролировать, ага.

– Я и сама прекрасно справлюсь.

– Да уж, вижу, — кивают на пса. — Так справляешься, что всех подряд сюда тащишь. Адрес, Сань. Адрес. В твоих же интересах идти на сотрудничество.

– Не скажу.

– Я же всё равно узнаю.

– Может быть, — отключая в кране воду и поспешно прикрываю лицо руками, потому что псинка вздумала отряхнуться.

Ааа! Вот это цунами! Весь кафель с зеркалом теперь в брызгах. И не только они...

Знаю, что не стоит, но меня всё равно пробивает на дикий смех при виде обтекающего Дани. Он-то прикрыться не успел.

Ой, ей. Судя по его плотно сжатым губам и вздувшимся венам на скрещенных руках, он едва сдерживается, чтобы меня не придушить.

Нас обоих.

Жду бурю, но её не происходит. Каменное тело приходит в движение, раздражённо вытирает с подбородка стекающие капли и, развернувшись, просто уходит.

– Ты куда? — озадачиваюсь.

– СПАТЬ! Не забудь отмыть ванную и пол! — рыкают на всю квартиру и в сердцах хлопают дверью своей комнаты.

Мда-а.

– Вот ты зачем меня подставляешь, а? — укоряюще грожу пальцем доберману. — Если хочешь остаться, нужно быть хорошим мальчиком.

А это точно мальчик. Я проверила.

Отчитываю, но в ответ получаю лишь "гав".

"Гав" и всё тут. Эх.

– Ладно, пошли. Найду тебе что-нибудь вкусное, — отчаявшись достучаться, увожу нового друга на кухню.

Честно говоря, я страшно устала, а глаза и вовсе слипаются, но что я делаю в семь утра? Правильно: лезу в интернет, читая о правильном питании собак.

И да, фарш обламывается. Говорят, он слишком мелкий и выходит транзитом, так что лезу в морозильник за мясом. Пока его разморозишь, пока нарежешь, пока со шваброй попрыгаешь...

Короче, только спустя ещё час, наконец, без сил падаю на постель. Утыкаюсь носом в подушку и моментально проваливаюсь в сон. Такой приятный, бесновиденческий и глубокий, что...

– Саша, мать твою! — истошный ор, разнёсшийся по квартире, заставляет подорваться, очумело трясая головой. — Я тебя сейчас убью!!!

Растерянная, вылетаю в коридор, сонно растирая глаза. Что я там опять успела натворить? Дышу, живу, существую?

Ой. Нет. Не я.

– Саня, мать твою! — взбешенно суют мне под нос изгрызенный кроссовок. — Следи за своей псиной!

– Как? Я ж спала.

И, видимо, не плотно закрыла дверь. Вот Добик и прошмыгнул.

– Значит, не спи. Привязывай его к батарее. Мне плевать.

– Себя к батарее привяжи, — сердито бурчу.

Достаточно громко, чтоб Даня услышал.

И взбесился ещё больше.

– Что-что, прости? — понижают голос, добавляя в интонации не предвещающую ничего хорошего лилейность.

По идее, на этом этапе стоит прикусить язычок и принять вину, но я нифига не выпалась. А потому особенно злая.

– Говорю, себя привяжи. Он же живое существо.

– Да ладно? А я и не знал. А ты в курсе, что живые существа не только жрут, но и гадят? И их надо выгуливать? — второй "найк" торжественно всучивается мне вместе с первым. И если первый просто превратился в решето с отклеенной подошвой, то второй, внешне целый, сразу ударяет по обонянию едким запахом. — Лужу за своим дьявольским отродьем подотри. А это, — кивок на кроссы. — На помойку. Прямоком на улицу, иначе вся квартира провоняет.

– Какие мы нежные. Подумаешь, ботиночки обписали и чутка покушали. Пёсик первый день на новом месте. У него акклиматизация.

Тьфу. Да что ж меня несёт-то?

– Акклиматизация? А ну иди сюда, сатана ушастая, — ловят за загривок добермана, отбуксовывая тушку в мою комнату. Семеню следом, держа на вытянутой руках оружие массо-

вого поражения. — Смотри, какой пир. Кушай, не обляпайся, — с высоко поднятыми бровями наблюдаю, как старательно науськивают пса на выставленную под окном обувь. Мою обувь. — Только набойками не подавись. Не-не-не. Куда пошёл? Ешь, говорю. Вот эти вообще с ремешками. Ммм, вкуснятина.

Кадр, просто кадр. И что я должна, по его мнению, сделать? Бежать к ним с воплями: "не трогайте казённое имущество?"

— Детский сад, — вместо этого тихо хмыкаю, отставляя найки подальше и залезая в шкаф за одеждой. Пускай развлекаются.

— Что ты делаешь? — прилетает мне в обнажённую спину. Обнажённую, потому что топ я сняла.

— Не видно? — вывернув локти, застёгиваю под лопатками крючки лифчика. — Переодеваюсь.

— А попросить, чтоб я вышел, нельзя?

— Да ты там так занят вредительством, зачем отвлекать? Я ж отвернулась.

— Не хочу тебя разочаровывать, но дверцы ЗЕРКАЛЬНЫЕ, а не стеклянные.

— Ну, значит, не смотри.

— Слышь, Горошек. Не перебор, не?

— А что не так? — невинно уточняю, натягивая лямки на плечи.

— Да всё, блин, не так!

— Конкретнее, товарищ, — насмешливо салютую ему в отражение. — Конкретнее.

Ууу. Рычание, вырвавшееся из Дани, больше напоминает предсмертный хрип зверя. Очень рада, что его кулаки сейчас стискивают всего лишь воздух, а не мою шею.

— В комнате уберись. А то развела свинарник, — сердито пинают раскрытый чемодан, заменяющий мне отсутствующую тут тумбу, и вылетают из комнаты. Правда почти сразу из ванной доносится шум воды и очередной ор. — Саша, чтоб тебя! Когда ты научишься переключать лейку?!

— Видимо, тогда же, когда он научится мыть после себя раковину и опускать стульчак, — невесело замечаю, подставляя ладонь любопытному мокрому носу. — И я не Саша. Я Александра, — согласное "гав" хоть немножко мотивирует. Как славно, когда хоть кто-то с тобой солидарен. — Гулять пойдёшь?

Ещё одно "гав" и виляние обрубленным хвостиком.

Что за хозяева были у бедняги? Конченные садисты? Зачем было купировать уши с хвостом? Ради эстетики? Чтоб пёс более "грозным" смотрелся? Или собирались его на собачьи бои отправить? Им бы самим что-нибудь отрезать.

Натягиваю джинсы, лёгкую блузу и, пока Шмелёв тихо матерится, самостоятельно решив отмыть впитывающуюся в швы ламината лужу, быстренько прошмыгиваю с доберманом к лифту.

На улице хорошо. Тучи, видимо, выжали из себя всю влагу, а выглянувшее днём, пока я ещё спала, солнце успело подсушить дороги. Гуляем по тропинкам, пока пёсик делает свои дела на ровненько подстриженном газоне, после чего сворачиваем к ближайшему зоомагазину.

Выходим оттуда только минут через двадцать и с полной сумкой. Наверное, я с ума свела бедную продавщицу, которая и сама толком ничего не знала. Пришлось лезть во всемогущую интернет-паутину, зато теперь мы во всеоружии.

Обзавелись игрушками, лучшим по мнению пользователей сайта *мойпитомец.ру* кормом, пакетами для собирания экскрементов, а самое главное — ошейником с поводком. А то мне уже несколько мамочек успело по мозгам съездить за то, что такая опасная псина ходит не только без намордника, но ещё и на спуске.

Опасная псина. Ха!

Да эта опасная псина сама боится её бешеных детей! Вот уж на кого точно намордник надо нацепить, так на них: чтобы не налетали коршунами и не махали палками, тыкая их в собачью морду и злясь, что тот играть с ними, видите ли, не хочет.

Короче, успеваю поцапаться с яжмажкой, после чего возвращаюсь к оставленным Добиком ароматным "кучкам", чтобы собрать их и отнести к мусорке. Не будем уподобляться тем, кто лужгает семечки из кармана и плюёт шелуху прямо на голову своих чад.

Домой не торопимся.

Находим лавочку за территорией спортивных и детских площадок, наслаждаясь погодой. Пёсик, перекусив сухими вкусняшками, носится рядом с новой игрушкой-косточкой. Сама беспечность.

Я же как никогда замороченная. И даже не из-за того, что спустила последние остатки чаевых на шаурму из ближайшего ларька, это ерунда — заработаю ещё, а вот что делать с псом...

Даня велел к вечеру от него избавиться. Уже почти вечер. И что делать? Нельзя же его просто взять и выбросить на улицу! Значит, надо опять окольными путями выпрашивать отсрочку, что сложновыполнимо после испорченных найков.

А мне, между тем, через несколько часов надо быть уже в баре, и если я об этом заикнусь, могут опять запереть дома. Или что ещё хуже, увяжутся следом.

Ну вот и как быть? Не с собой же пса брать. Боюсь, Светлана такого посетителя не оценит...

Решение приходит, откуда не ждали.

Замечаю вышедшего из подъезда Шмелёва. Мы сидим так, что за кустами и сетчатым забором баскетбольной площадки нас не видно, а вот он — как на ладони. Поэтому беспалевно наблюдаю за тем, как тот, со шлемом подмышку, направляется к припаркованному Харлею.

Да уж, хромированный красавец хорош. Правда тётя Валя, его мама, вроде говорила, что последний раз он приезжал в гости на чёрном джипе. Приезжать приезжал, но даже не подумал заехать ко мне, чтобы хотя бы банально сказать "привет".

Наверное, надо смириться, что для него я просто "Саня". Была и есть. Знакомая из далёкого прошлого. Малолетка, так и оставшаяся ребёнком, которую упорно не воспринимают как девушку. И тут хоть раздевайся, хоть заигрывай... всё без толку.

Харлей, распугивая голубей, с рёвом уезжает. Интересно, надолго ли? Как понимаю, с утра он тоже только приехал, чуть-чуть меня опередив. А сегодня тоже стрелка будет до рассвета? Если да, то, наверное, можно рискнуть...

Возвращаемся в опустевшую квартиру.

Лезу в душ сполоснуться. Выхожу, собираюсь и оставляю доберману миски с едой и водой у себя в комнате, а возле свежеприготовленной сковородки на плите с готовой подливой жалостливую записку. После чего, с тяжёлым сердцем заперев добермана потрошить свои вещи, уезжаю в бар.

На душе беспокойно, да и общее состояние от недосыпа оставлять желать лучшего, но едва оказываюсь в гримёрке, вялость и ленивость отступают.

Не знаю, как это работает, но атмосфера царящего вокруг движа и безумная энергетика умудряется на раз выбить всю сонливость.

После первого же выхода в "стакан" моральная усталость сменяется физической. И скулением замученных лодыжек, ещё со вчера не отошедших, а тут получивших новую ударную дозу в неудобных туфлях.

Но всё равно: возможность отпустить всё и просто танцевать, ещё и получая за это деньги — реально улёт. Такой кайф, что не передать.

Правда эйфория к утру благополучно рассеивается. Накатывает эмоциональное выгорание затюканного человека. Как и возвращается лёгкая паника.

Домой еду с опаской, и когда, тихонько зайдя в квартиру, сразу замечаю открытую дверь в свою комнату, сердце с ухом падает в пятки.

Игрушки валяются, миски пустые, незаправленная кровать сбита ещё больше, но пса нет. Под кроватью пусто, на кухне пусто...

Зато сковородка помыта. И в коридоре стоят мужские кроссовки. Новые. Значит, Даня дома.

Блин. Не мог же он...

Несусь в его спальню с одной целью: устроить такой разнос, чтоб все соседи не только сбежались, но и вызвали ментов, однако озадаченно замираю, когда в предрассветном полумраке не зашторенного помещения на меня вопросительно вскидывают угольно-чёрную голову с встопорщенными ушками.

Даня спит без задних ног, в одних трусах развалившись поверх одеяла, а рядом безмятежно растянулся доберман. Тоже, видимо, спавший, раз даже не выбежал меня встречать.

Офигеть.

К такому повороту жизнь меня точно не готовила.

Тихонько подзываю пса, уводя к себе, а сама пытаюсь замученными мозгами, пребывающими уже где-то в прострации, выстроить логическую цепочку.

Как он там оказался? Сама бы животинка ведь дверь точно не открыла бы. То есть, что, Шмелёв его самолично выпустил? И разрешил у себя пасть? И это-то после недавнего ора?

Нет. Что-то как-то не состыковывается.

Ну да ладно. Я слишком выжата, чтобы думать об этом сейчас. Поэтому вывожу Добика на прогулку, чтобы тот опять не наделал нигде лужи, возвращаюсь, по стандарту споласкиваю ему лапы, кормлю и, наконец, позволяю себе уйти в астрал. Не забыв предварительно выставить будильник, чтоб опять весь день не улетел в пустую.

Естественно, несколько часов сна сильно не спасают. Чувствую себя квашеной капустой, которую усердно топтали ногами.

Одно радует, воскресная смена — последняя на этой неделе, ещё и сокращённая на пару часов. Дальше пять дней в штатном режиме. Правда, как завтра вставать в колледж, ума не приложу. Видимо, придётся не ложиться вовсе.

Да, потом, конечно, будет намного легче, организм сам перестроится под новый режим, но на данный момент вся эта канитель — настоящие муки.

Хоть встаю пораньше, но с Даней практически не пересекаюсь. Он шебуршится то в ванной, то на кухне, я же сижу за ноутбуком и рисую объявление об найденном собакевиче. А как заканчиваю, чешу с ним же до ближайшего фотосалона, печатать листовки.

Дальше по отработанной схеме. Единственное, что: уезжаю к набережной пораньше. Чтобы всё расклеить. Так сказать, очистить совесть, вот только пока не могу сказать точно — хочу ли я, чтоб хозяин нашёлся.

Да, собаки, особенно таких габаритов — это выматывающее и дорогое удовольствие. Да, ходить и подбирать за ним по улице какахи после того, как всю ночь провела на ногах и валишься от усталости — удовольствие такое себе, да и как договариваться с Даней, я всё ещё понятия не имею, хоть он сам и не встаёт вроде в позу, но...

Он же такой классный. Пёс, в смысле.

Абсолютно не агрессивный, за пару дней успевший привыкнуть ко мне. Дружелюбный, миролюбивый и безумно сообразительный. Пару-тройку простых команд выполняет вообще без проблем.

А ещё Добик, хотя, конечно, я бы так его никогда не назвала, просто пока не вижу смысла придумывать кличку, если скоро его, возможно, заберут, по натуре сама невозмутимость.

Спокойно реагирует и на любопытных детей, и на уличных кошек. Вокруг него крысёныши вроде Той-терьера носятся и пищат до хрипа, а этот аристократ лишь взирает на них с недоумением. Мол, ты что такое и зачем ты орёшь?

А внешне какой красавец? Крепкий, мускулистый, с благородной осанкой и утончёнными чертами. Правда малость гиперактивный. Наверное, ещё совсем юный.

На следующей неделе хочу довести его до ветеринарки, чтоб проверили на наличие всякой бляки. Заодно хотя бы приблизительный возраст узнаю, но для этого надо сперва заработать.

Причём речь идёт не о стандартной ставке за выход, а о чаевых. Потому что девочки не обманули: основной доход приносят именно подачки посетителей преимущественно мужской половины.

Звучит, конечно, не очень, но какая разница, как называть деньги, если они появляются, верно? Вот такая вот плата за возможность похотливо смотреть на полураздетых красоток, извиняйте.

И гоните баблишко.

То, что никому нет никакого дела до того, сколько сил и труда вкладывается в танец — это очевидно даже новичку. Как и то, что никто не смотрит на технику и чистоту исполнения.

Мужчины просто лапают танцовщиц взглядом, а, если согласны раскошелиться, ещё и чуть полапают по-настоящему. Ради себя, ради своих фантазий. Неприятно, да. Зато прибыльно, потому что поход в ветеринарку у меня уже точно в кармане.

Плюс ещё останется на новый сценический "наряд" к следующей пятнице и немного на продукты. Не могу же я вечно тянуть деньги из Дани, вкладываться в общий бюджет тоже надо. Едим-то мы всё вдвоём. Даже втроём.

А вот с новыми туфлями придётся ещё подождать. Правда эти уже еле-еле дышат. Я вот прямо сейчас, переключая хорягу между сведёнными треками, ощущаю стопой, как ходит ходуном каблук. То и гляди, оторвётся вовсе.

Давно перевалило за полночь и в баре усиленно людно, несмотря на воскресенье. А ещё страшно душно и жарко. Лямки португеи давно впились в тело, натирая вспотевшую кожу, но мой выход ещё не закончен.

Домучиваю последние минуты, ощущая себя в пыточной. Будто на ноги надеты раскаленные металлические башмаки. Те самые, в которых заставили танцевать злую мачеху на свадьбе у Белоснежки.

Ничего. Осталось совсем немного, а потом можно идти переодеваться. Светлана сжалась, разрешив уйти пораньше. Чтоб на парах совсем уж не клевать носом. Так что очень скоро я, наконец, упаду в удобную кровать и позволю очумевшим мышцам, пусть и на несколько часиков, но всё же рассла...

Делаю изящный поворот, призывно двигая бёдрами под вокинг, и цепенею... натываясь на взгляд Дани.

Даня. Здесь. В баре.

Стоит напротив и смотрит на меня.

Ппц. Мне хана.

Глава пятая. "И то, что влипла я по пояс видел и доберман"

РОВ ШМЕЛЬ

Очень надеюсь, что это всего лишь глюканы от испарений некачественного бухла, разливающегося полуголыми девицами за стойкой. Правда, чем больше Горошек выпучивает свои круглые глазёнки, тем меньше в это верится.

В баре она, блин, работает.

Ну, спасибо хоть не на столешнице перед носом мужиков жопой трясет, как другие. Правда и её "позиция" немногим лучше. Полный обзор на все триста шестьдесят: пали — не хочу.

А вырядилась, вырядилась-то.

Вроде и разделась до белья, но с учётом того, как она ходит по дому — сейчас можно даже сказать, что оделась. Однако в формате зазывающих танцев смотрится всё равно вызывающе. Не пошло, но...

Кабздец.

Прям не знаю, как реагировать: стоять и дальше пялиться, охреневая, или пойти подзатыльник отвесить.

Саня тоже теряет. Пока меня не видела, отжигала будь здоров, а теперь мнётся. Стесняется, пристыдилась?

Не а. Не стесняется. И не стыдно. Это она просто переваривала наличие моей морды там, где явно не планировала увидеть. И ждала, что будет дальше.

Думала, я представление на весь кабак устрою, подняв кипиш с ором? Смысл? Меня ж тогда тупо попросят выйти.

Нет уж. Пускай ещё немного поживёт.

Не придумав ничего лучше, занимаю свободное место за баром, развернувшись так, чтоб неотрывно таращиться на неё. Саньку это, естественно, не очень нравится, но затянувшуюся паузу и дальше тянуть не получается.

Горошек ловит вопросительный взгляд другой пляшущей девицы и включается обратно в процесс. Сперва неуверенно, с зажимом, но буквально через минуту уже виляет бёдрами как ни в чём не бывало. Демонстративно игнорируя моё зрительное испепеление и наличие в принципе.

Ну правильно, чё. Сгорел сарай, гори и хата.

Молодец, деваха. Далеко пойдёт. И, да, этого не отнять — двигается она образцово. Складно, плавно, с некой грациозностью даже. Вот где сразу чувствуется школа за плечами. Рядом не стояло с конвульсивными и абсолютно несвязными дрыганьями пьяных дур на танц-поле.

— Что налить? — подгребает ко мне барменша, вываливая сиськи на столешницу.

— Корвалол есть?

А то с этой выдержкой insult точно бахнет раньше срока.

— Нет. Зато могу налить водки.

— Не катит. Просто кофе, — достаю айфон, включая камеру и направляя на Горошка.

— Съёмка танцовщиц запрещена.

— А я не танцовщиц снимаю. Я на одну бестолочь белобрысую компромат собираю.

— Неважно. Уберите, пожалуйста, телефон.

– А логика какая? Ваш фотограф от камеры не отлипает. Всё, что надо — уже давно запечатлел.

– То наш фотограф, а в каких целях вы будете использовать своё видео под большим вопросом.

– Я ж сказал: для каких. В целях шантажа и эмоционального давления.

Перевалившись через стойку, камеру закрывают ладонью.

– Убери телефон или я позову охрану, — обаятельная кукла теряет очарование, превращаясь в злобную тыкву.

– Да убрал, убрал, — неохотно подчиняюсь. Всё равно, что надо — уже заснял. Этого вполне достаточно. К тому же, кажется, Саня заканчивает. Треки сменяются, но вместо того, чтобы дальше скакать на потеху, она выпрыгивает из своей башни, уходя в сторону служебных коридоров. — Кофе уже можно не делать, если что, — покрываюсь следом. — Я передумал.

– Да и не собиралась, — едко бросают вдогонку, что через гроыхающую музыку слышно едва-едва.

Собственно, по барабану. Я уже на полдороги к цели. Правда на этом всё и заканчивается, остальную половину мне преграждает широкоплечее секьюрити.

– Сюда вход разрешён только персоналу.

– У вас тут Кремль? Снимать нельзя, пройти нельзя. Мне на минуту надо. Перетереть с той светловолосой.

Что уже учесала в неопределённом направлении, скрываясь за поворотом.

– Возвращайтесь в общий зал. Сюда вход посторонним запрещён.

Мда. Ладно, одно радует: какой-никакой уровень безопасности здесь имеется. Значит, не совсем притон. А то в некоторых клубах настолько на всё всем класть, что охраны вообще на месте никогда не бывает.

Не продолжая дискуссию, согласно отчаливаю, но в душном и воняющем потом зале находиться нет никакого желания. Принцип работы подтанцовки мне прекрасно известен, так что очевидно, что в ближайшие минут двадцать Горошек уже больше не покажется.

Есть время перекурить.

Спускаюсь на первый этаж и, минуя обворожительно улыбающийся хостес, выхожу на улицу. Большая часть столиков на открытой террасе занята, зато отдельные яйца-кресла свободны. Ну те, которые жёсть какие неудобные. В которые если залезаешь, чувствуешь себя скорченным в утробе плодом.

Закуриваю, обмозговывая увиденное.

Саня, блин, конечно, выдала.

Окей, я даже почти смирился с её ночной подработкой. Официантка там, та же барменша. В конце концов, желание совмещать учёбу с работой, а не сидеть на моей шее даже похвально, но ёбнврт...

Это ж прям перебор. Переборище.

Мой "кокон" с мягкой сидухой плетёный, поэтому обзор через прутья на вход отличный. К тому моменту, как сигарета дотлевет до середины, из стеклянных парадных дверей на улицу вываливается запыханная девица.

Та самая, что перемигивалась с Сашей. И в том же прикиде, в котором танцевала. Даже не удосужилась накинуть на себя что-то. Обмахивается, остужаясь, и, отойдя к оббитым деревянной рейкой ограждению, тоже закуривает.

Нормально. Прям отрада для глаз всей мужской компашке, раскуривающей неподалёку кальян. Про который они благополучно забывают. Не каждый день вместо десерта тебе полуголую девчонку подкидывают.

Завязывается закономерная беседа с типичным подкатом и намёками присоединиться, но особо не вслушиваюсь. Её проблема. Нечего щеголять в одном купальнике, который и купальником-то сложно назвать.

Политика невмешивания работает ровно до того момента, пока через те же двери не появляется та, которую я как раз-таки и жду. Уже одетая, к счастью.

Что, смена закончилась? Или она специально стрекоча даёт раньше времени, чтоб на меня не нарваться?

Куращая девица окликает Саню, которая вызывает не меньший интерес у подвыпившей, но в меру адекватной компашки. Девчонка-то она всё-таки миловидная.

Пора, наверное, вмешаться? А то они так долго стоять будут и трещать.

Оттолкнувшись ногой, разворачиваюсь на кольцевом креплении, но не окликаю. Жду.

И, естественно, меня замечают.

Прям вижу пронёсшуюся по нахмурившемуся лбу бегущую строчку: "мать твою, он всё ещё здесь".

Здесь-здесь.

Вот теперь можно и встать.

Встать, я сказал, а не вывалиться из этого гнезда.

— Ну что, красота, натанцевалась? — затушиваю бычок в ближайшей пепельнице, подходя к ней. — Домой подвезти или сама дойдёшь?

Всё прекрасно, и от её панической атаки, мешающей сообразить по-быстрому наиболее колкий ответ, я получаю прямо-таки моральное удовлетворение, вот только подружка её меня напрягает.

Так въедливо на меня таращится, что тонкая сигарета в пальцах успела прогореть до фаланг. Неосторожное движение и весь пепел падает на лакированные туфли, но на это едва ли обращают внимание.

Вот и что она пытается высмотреть?

Впрочем, неважно.

Забираю у Саши женскую сумку. Раздутую и оттягивающую плечо. Туда гирию затолкали?

— Вперёд и с песней, Горошек, — настойчиво подгоняю её вперёд. — Разъяснительная беседа не ждёт.

— Не надоело в папочку играть?

— Кто-то ж должен тебя воспитывать, раз совсем от рук отбилась. Как там пелось? *"И то, что влипла я по пояс видел и доберман"*, а?

— Не знаю такой.

— Само собой. Когда она была популярной ты ещё даже не родилась, — переходим почти безлюдную дорогу, тормозя возле чёрного Хаммера.

Открываю со стороны пассажирского, галантно подавая раскрытую ладонь, чтобы помочь забраться на высокую подножку.

Не а. Мы слишком гордые. Сами кое-как залезаем.

— Я не стану оправдываться, — отвернувшись к окну, бурчат неразборчиво, скрестив руки на груди.

— Да и не надо, — запрыгиваю следом на водительское, скидываю сумку на заднее и, пристегнув обоих ремнями безопасности, завожу тачку. — Просто сиди и слушай то, что буду говорить я. Но мне вот интересно: ты чем думала-то, а? Тем местом, которым светила перед похотливыми рожками? — молчит. Как и обещала. — Не, ну а чего не стриптизёршей сразу пошла? А лучше эскортницей. Они в разы больше получают. Не взяли? И то верно, те допслуги, что они оказывают ты вряд ли потянешь. Опыта недостаточно. Хотя я уже хз. Может, ты и тут ранняя ягодка.

— Ты подменяешь понятия, — не выдерживают. — Танцовщица и проститутка — разные вещи.

Замечание лишь вызывает у меня смех. Наивная.

— О, тут ты глубоко заблуждаешься, Сань. В половине случаев это одно и то же. И можешь меня даже не переубеждать.

— Не стану и пытаться. Лучше ответь: откуда ты узнал адрес?

— О, это была самая тяжёлая задачка на дедукцию, — усмехаюсь, вслепую нашаривая в "кармане" кресла бейсболку и бросая ей на колени.

Самую обычную, чёрную. Всё бы ничего, если бы не вышитый логотип бара. Подобные заведения любят штамповать подобный личный мерч, чтобы срубить ещё больше бабла на клиентах.

— Значит, устраивал в моих вещах шмон?!

— Не пришлось. Скажи спасибо своему Анубису. Еле отвоевал у него цацку.

Причём доказательство этого можно прекрасно углядеть на погрызанном козырьке.

— Прекрасно. И что дальше? Ор, скандал, ультиматумы, запреты?

— А есть смысл? Ты со дня приезда упорно делаешь всё с точностью да наоборот. О чём бы я не попросил.

— Попросил? Ты снова экстраполируешь.

— Ого. Какие слова ты знаешь. Этому учат на курсах юных стриптизёрш?

Мне сейчас кулаком в висок с разворота заедут, отвечаю.

Нет. Сдерживается. Вместо этого теперь уже очевидно включает молчанку, потому что до самого дома не пророняет больше ни звука.

Что ж, оно и к лучшему. Есть время поразмышлять, так как я пока не особо понимаю: что делать и как реагировать. И больше всего бесит как раз то, что по идее это вообще не моего ума дела, вот только...

Всё упирается в одно и то же: я за неё в ответе.

Хочу я того или нет.

Выгружаемся у подъезда, окрашенного оранжевыми отблесками фонарей. Так же молча поднимаемся на лифте и так же молча заходим в квартиру

Я поворачиваю в сторону кухни, она — к себе в комнату, к услышавшей нас псине. Та, то и гляди, на радостях дверь насквозь сейчас продерёт. То ещё разрушительное чудовище. Уже все углы в доме погрызла.

— И куда ты опять собралась? — высовываюсь в коридор, уловив шорохи.

Саша снова обута. Стоит, накинув джинсовку, и с поводком. Ловит довольную морду, нарезающую вокруг неё круги. Вот-вот обоссется от радости, как пить дать.

Тоже мне, грозный охотник.

— На прогулку, не очевидно?

Ну, да. Хрупкая девочка, шатающаяся по улице в три утра с доберманом-пацифистом — что может быть безопаснее?

— Кстати, об этом. Я вроде давал установку: один день на перекантовку. Здесь моё слово тоже ничего не значит?

— Я развесила объявления.

— И? Меня это должно успокоить?

— А я что должна сделать? — взрывается Саша, повышая голос. — Выкинуть его на помойку? Потерпишь. Не устраивает — мы завтра же съедем.

— Куда?

— Да куда угодно! На вокзале лучше буду жить, чем отчитываться за каждый шаг и выслушивать бесконечные оскорбления. Достал.

Приехали.

– Ты когда зверинчик успела принять, малявка? Кто тебя оскорбляет-то? — подхожу к ней, обшаривая карманы джинсовки.

– Что ты делаешь? — с досадой наблюдают, как телефон, уже достаточно старой модели, но отлично сохранившийся, откладывается на тумбу. Стягиваю с неё верх, забираю поводок и, чуть оторвав от пола, уношу в ванную. — Даня, что ты... Ааа! — взвизгивают, когда душевая лейка выплёвывает полый напор прямо ей на голову.

– Остудись. И смой с себя шалашовские блёстки. А когда помоешься и успокоишься, договорим спокойно. Лады?

Горошек стоит и буквально обтекает, вымокая за секунды. Обтекает и закипает. Закипает и...

Не пойму. Не улавливаю эмоцию.

Это разочарование?

– Это никогда не изменится, да? — тихо спрашивают.

– Что?

– Твоё ко мне отношение. Малявка. Глупая, наивная, не самостоятельная. Ребёнок.

– Да нет. Уже точно не ребёнок. Ты не забываешь об этом напоминать, щеголяя по квартире в чём мать родила.

– И тебе это не нравится?

Ха. Вопрос с подковыркой.

– Догадайся с трёх раз. Сань, я всё-таки парень, и у всего есть пределы.

Включая мои буйные фантазии, распалющиеся совсем не к месту после её дефиле.

– Да, ты прав. И у меня тоже есть пределы!

Прежде чем успеваю съехидничать, меня притягивают мокрыми руками за шею и...

Эээ...

Целуют?!

Я вот щас чё-то нихрена не понял. Прямо слышу, как заводские мозговые настройки, скрипя раздолбанными шестеренками, летят к чёрту.

Робкие, но настойчивые губы Сани мнут мои, а я...

А я жёстко туплю, не понимая: что делать. Соблазн ответить есть, и большой, но...

КАКОГО, МАТЬ ЕГО ЧЁРТА!?

Может, она под чем-то?

Спихнуть всё на алкашку и неокрепший юный организм было бы прямо очень к месту, только вот бухлом вообще не пахнет.

И другим ничем тоже не пахнет. Ничем, кроме земляничного шлейфа духов. Так что нет, целует Саша меня по трезваку, но что ещё хуже — чувствую, как начинаю сдаваться.

На инстинктах, похоти, азарте и хрен знает на чём ещё, но уже приоткрываю рот, собираясь запустить язык туда, куда не следует, однако спасение приходит откуда не ждали.

Вздрагиваю, отстраняюсь и маша укушенной конечностью. Несильно, но в реальность возвращает на раз-два.

– Совсем офонарел!? — шикаю на крутящуюся рядом псину. — Что за прикол такой: вечно цапать?

– Он просто гулять хочет, — Санёк тушует. Вжимает голову в плечи, виновато прячет глаза, тянет мокрые рукава.

Что, уже сама пожалела, что учудила?

Очень надеюсь. Потому что в одиночку мучиться угрызениями совести я не собираюсь. Да и вообще... надо бы покурить.

– Мойся, — бросаю ей через плечо, выталкивая пса в коридор. — Пошли, дьявольское нечто. И только попробуй ещё раз зубы распустить, сточу наждачкой под корень.

Накидываю на себя ветровку, влезаю в новые кроссы и с поводком наперевес иду к лифту, который ещё не успел уехать по другому вызову.

Спускаемся вниз, выходя на ночную улицу. По сравнению с ванной, где за секунды стало настолько душно, что запотело зеркало, здесь в меру ветренно и свежо.

Женский парфюм выбивается быстро, а вот с фантомными покалываниями на губах даже ветер ничего способен сделать.

Что ж, факт-то очевиден: я полагал, робкие безответные чувства Саньки остались далеко в прошлом, но, судя по всему, дела обстоят многим хуже. Что сильно усложняет... абсолютно всё.

И что теперь?

Нужно ведь всё как-то пресечь. Дать понять, что взаимности никогда не было и не будет. Что она для меня всегда была как сестра, пусть и не родная, а сестёр трахать...

Ну, такого фетиша за мной не наблюдается.

Сижу, словно маньяк в засаде, на лавке за кустами, разглядывая тлеющий уголёк сигареты, зажатый между пальцев. Спущенный с поводка доберман гадит где-то в полумраке, а я... репетирую речь.

Херня получается. Даже в голове слышится фальшь. Сложно заверять кого-то о том, что ты его не привлекаешь как девушка, если у тебя на этого человека нет-нет, да стоит.

Блин, я не знаю.

Сашка симпатичная, глупо это отрицать. Да и похотливые рожи, что сегодня в клубе пасли её, лишнее подтверждение тому, что от смешной и нескладной школьницы, что бегала за мной хвостиком, не осталось и следа, но, мать вашу за ногу...

Я никогда не рассматривал её как кого-то большего. В памяти настолько отпечаталась та девочка из детства, что сложно признать очевидное: девочка эта выросла и способна вызывать теперь далеко не только братские чувства.

Бляха-муха! Но проблема-то вся в том, что того, что она ждёт я тоже не могу ей дать! А использовать ради удовлетворения не собираюсь. Мне потом ещё в глаза её матери смотреть.

Капец. Просто капец.

Что ни день, так новый геморрой на задницу. Это когда-нибудь закончится?! Будет у меня перерыв?

Видимо, да. Во всяком случае, когда поднимаюсь наверх с навязанным питомцем, Горошек уже помылась и заперлась у себя. Не вышла даже лапы своей псине протереть.

Прекрасно. С каких пор и эта забота легла на меня?

Тихо матерясь, скачу долбаным зайчиком возле четвероногого с тряпкой, после чего ухожу к себе, демонстративно хлопнув дверью. И сразу же слышу оживление.

Выползла. Пошебуршала на кухне, на цыпочках вернулась к себе вместе с рычащим компаньоном и снова заныкалась.

Отлично. Кажется, кто-то избрал тактику избегания. Не сказать, чтоб особо удачную, но следующие полдня та умудряется работать. Пока студентка в колледже, а я на вождении.

Но работа и пары имеют свойство заканчиваются, поэтому столкновение на той же кухне становится неизбежно. И это, блин, превращается просто в калейдоскоп неловкостей.

– Передай кетчуп, будь добра.

– Он рядом с тобой.

– А, точно. Спасибо.

– Да не за что.

Диалог тупее некуда. Как и мы, сидящие друг напротив друга за столом, ужинающие, но делающие вид, что посторонние в помещении отсутствуют.

Нет. Не пойдёт так. Надо что-то решать. И лучше напрямую, без размусоливания.

– Саша, по поводу вчерашнего... — начинаю, но меня перебивают вскинутой вилкой.

– Не стоит.

– Думаешь?

Саня отвлекается от телефона, в котором безмятежно ковырялась последние минут десять.

То ли по делу, то ли для вида.

– Если ты о поцелуе, расслабься, — нависают над тарелкой с почти доеданным спагетти.

— Я от тебя ничего не жду и не требую. Мне просто хотелось узнать: какого это.

– Целоваться с парнями?

– С парнями я уже целовалась. Было интересно с тобой. Проверить, что я почувствую.

Уже целовалась? Только целовалась или...

– И что ты почувствовала?

– Ничего.

Ауч. Даже как-то обидно. Правда давайте будем откровенны — это был не поцелуй, а одно название. Заторможенные коматозники целуются с большим энтузиазмом, нежели я вчера.

– Прямо совсем?

– Ну... Было приятно.

Да она мне льстит.

– Приятно... И какой из этого следует вывод?

– Да никакого вывода, Дань. Ты знаешь прекрасно, как я по тебе с ума сходила в своё время. В рот смотрела, влюблённая по уши, ловя каждое слово. Вот только те времена давно прошли. Ты, конечно, хорош собой и всякое такое, но не переживай: я не имею на тебя видов. Ну поцеловались разок, подумаешь. Так что расслабься, — озадаченно наблюдаю за тем, как Саша меланхолично доедает остатки ужина, ставит посуду в мойку и со словами: *"Я попозже всё помою, не переживай"*, уходит.

Она уходит, а я сижу. Сижу, перевариваю, но расслабляться не тороплюсь. Не получается что-то никак.

Город засыпает, просыпаются гонщики.

Каждую ночь, чаще всего с пятницы на субботу, хотя иногда бывает, что день сдвигается, как, например, сегодня, на трассах ближе к окраине города начинается движ: с голыми танцовщицами, музыкой, рёвом мотора и файер-шоу.

И нет, уличные гонщики не считают себя преступниками. Я занимаюсь этим уже достаточно долго и могу сказать одно: если делать всё по уму, никакой угрозы для общественного порядка и чужих жизней такие мероприятия не доставляют.

Я сам впервые приехал на подобную сходку ещё в студенческие годы, со знакомыми по универу. Увидел аварийки, а дальше — как в тумане. Очнулся уже на финишной...

Погонял недолго, но как-то быстро понял, что организовывать куда интереснее, чем ухай-докивать тачку и после ещё тратить на её ремонт. Поэтому отошёл в тень, работая сразу на несколько команд.

Подкопил, набрался опыта и только тогда создал свою, сейчас одну из самых крупных в городе. По последним данным у нас насчитывается больше тридцати тысяч человек.

Если кто-то наивно думает, что организация уличных гонок — это золотая жила, откуда деньги гребут лопатой, расстрою: брехня.

Да, у нас существует спонсорский взнос, но всё уходит в работу: выплата победителям заездов, гонорары девочкам гоу-гоу, стриптизёршам, расходы на файер-шоу, такса ментам по необходимости и так далее.

По итогу в чистом виде остается либо ничего, либо до унылого мало, но...

Всегда есть это "но".

И не всегда это "но" привлекательно на вид. Вот только, как известно, бабло не пахнет, а бабло мы все любим, поэтому не чураемся и мараться.

В конце концов, кто в наше время живёт без греха? Так что был бы только спрос на всякое дерьмо, а товар всегда найдётся. А спрос есть. Он же основной источник прибыли.

Привычно собираемся в назначенной точке и колонной едем до конечного места. С аварийками, флагами, всё как положено. Впереди – эвакуатор, который используется в качестве сцены – на нём танцуют девочки.

На въезде стоят парковщики, ориентирующие участников, где оставить машину. Подъезжающие стритрейсеры, да и просто желающие покурить, оплачивают участие, паркуют машины и ищут себе соперника.

Иногда обращаются ко мне или другим орган, чтобы те помогли подобрать совместимую по техпараметрам тачку. Всё-таки большинство предпочитает честную гонку, поэтому стандартно укомплектованный седан заводского типа никогда не станет соревноваться с оттюнингованным монстром, прячущим под сидухой сюрпризы.

Сажу в стороне, верхом на байке, наблюдая как красотка в мини даёт команду, и первая партия машин с дымом и визгом стёртых об асфальт шин стартует.

Кстати, все барышни-красавицы, раздевающиеся и танцующие на таких сходках – исключительно нанятые. Для разогрева.

Причём девочек-топлес народ любит больше всего, хотя, как показывает практика, танцуют такие заметно хуже обычных. Но кто там всматривается в технику, если перед глазами сиськи прыгают, верно?

Поэтому пусть Санёк не заливает про "искусство". Всё это "искусство" мне известно лучше её. Как и отлично известно, что подавляющее большинство таких вот куколок после смены не прочь полежать на заднем сидении во имя любви без обязательств.

Как в качестве допподработки, так и просто ради приятных впечатлений. В конце концов, не каждый день удаётся раздвинуть ноги в навороченном спорткаре. Будет о чём подружкам рассказать.

Никакого принуждения. Всё исключительно по обоюдному согласию, и да, хоть это далеко от моралистики, мы этого не запрещаем. Тем более что и нам самим, орган в смысле, частенько перепадает "за счёт заведения". Своего рода "взятка", чтобы позвали подзаработать на следующий раз.

Бабы те ещё хитрые создания. Чуйка у них развита будь здоров, поэтому они знают: где и когда нужно подсуетиться. И возле кого тереться, чтоб больше плюшек отхватить.

Вот и сейчас три куклы, практически в неглиже, столпились возле меня. Открыто заигрывают, накручивая пальцы на волосы и как бы ненароком то и дело нагибаются, вываливая своё добро из лифчиков.

Не скажу, что это прям работает, к таким многоходовочкам у меня давно уже выработался иммунитет, но пусть стараются. Я не против.

– Список, – протягивая рабочий планшет, подгребают ко мне Борзый: лысый парнишка с татухой на черепушке.

Типаж у него стрёмный, даже слегка криминальный, несмотря на небольшую картавость, но Борзый кадр ценный: он умудряется крутиться *везде* и быть в курсе *всего*. А ещё превосходно договаривается и согласен брать на себя всю волокиту с наймом, что мне только на руку.

Конечно, он, как и все здесь барыжит на стороне, но несмотря на леваки и умеренно терпимые "таскания из кассы", иметь подобного партнёра под боком всё равно выгодно. От такого, по крайней мере, всегда знаешь, чего ждать.

– Принял, – мимолётно листаю таблицу, высматривая знакомые номерные знаки и имена.

– Чёрную Мазду RX-8 почему пропустили? Это крыса из "Рыцарей", нам таких не надо.

– Ля, да? – отбирают планшет, озадаченно почёсывая лоб. – Упустили, парни. Ща порешаю.

– Не выгоняй его пока, – забираю тот обратно, дальше листая. – Послеживай. Скажешь, когда даст дёру.

Конкуренция конкуренцией, но не в одной ней дело. В первую очередь, меня интересует безопасность мероприятия и уверенность, что никакая гнида нас не заложит, чтобы выслужиться перед другой командой.

Наличие засланного казачка уже не сулит ничем хорошим. Судя по всему, надолго мы здесь этой ночью не задержимся. Придётся тикать от полицейских мигалок.

– Понял. О, вторая партия девчат приехала, – хмыкая, Борзый кивает на подъехавший мини-вэн, арендованный специально для развоза свежего женского мяса.

Бросаю туда мимолетный взгляд, возвращаясь к штудированию списка, вот только палец заторможенно зависает над экраном. В мозг с опозданием поступает отпечатавшаяся зрительная картинка.

Да ну нет...

Резко вскидываю голову, с плохим предчувствием выискивая среди расфуфыренных танцовщиц знакомые белокурые локоны.

МАТЬ ВАШУ, ЭТО ЧТО, ШУТКА ТАКАЯ!!??

Глава шестая. Стритрейсинг

РОВ ШМЕЛЬ

Тарашусь на неё недоверчиво, до последнего надеясь, что зрение надо мной прикалывается.

Только вот... нихрена.

Заинтересованно осмотревшись, Саня находит в толпе меня и... кивает в знак приветствия. Так, как бы между прочим. В отличие от меня, она вообще ни на грамм не удивлена встрече.

Заметить заметила, но подходить не торопится.

За сохранность своей задницы боится? Правильно делает, потому руки так и чешутся выдернуть ремень из джинс и прилюдно отхлестать её так, чтобы она потом дня три сидеть не смогла.

Припёрлась, чтоб тебя!

Припёрлась, стоит и ждёт дальнейших указаний, пока остальные гоу-гоу буднично вливаются в процесс. Те-то уже прожжённые: знают, что и куда.

Саша же заметно не в своей тарелке. Оборачивается к одной из них, чтобы что-то спросить, и я узнаю девицу из бара.

Ту, что так странно на меня зыркала.

Раздражённо скидываю женскую кисть, облюбовавшую моё плечо, и подрываюсь с Харлея.

– Борзый, ты, блин, кого притащил? В городе что, стриптизёрши закончились!?

– А что не так-то? — не понял тот. — Половина у нас уже не первый год крутится.

– Ага. А вторую половину где набирал? По объявлениям?!

– Так же, как и всегда... — чувак решительно не втыкает, где лажанул, а у меня нет никакого желания размусоливать.

Впихиваю ему планшет и размашистыми шагами направляюсь к Горошку.

– А ну-ка, на минуточку, — схватив её за локоть, утягиваю туда, где нет лишних ушей. Что проблематично, так как народу уже собралось дохерища. — Сань, ты прям специально нарываешься на грубость, да?

– А в чём проблема? — поправляя спадающую лямку рюкзака, отбирают локоть обратно.

– В ЧЁМ ПРОБЛЕМА!? ТЫ КАКОГО ЛЕШЕГО СЮДА ПРИТАЩИЛАСЬ!?

– Не ори. Работать приехала, не очевидно?

Работ... Вдох-выдох, вдох-выдох.

– Ты, блин, издеваешься? Ты меня до психушки довести решила или что!? Как... Как ты вообще узнала про... Хотя нет, не отвечай... Это не так важно... Другой вопрос: как тебе мозгов хватило, бестолочь?!

– Ну а как иначе я бы здесь оказалась? Ты ведь меня сюда никогда бы сам не взял.

А, то есть, она ехала сюда спецом?

Прям изначально зная, что я здесь?

Она себя бессмертной возомнила или что?

– Разумеется, не взял бы! Потому, что тебе здесь делать абсолютно нечего!

– Тебя как послушать, так мне вообще нет нигде места.

– Саша, мать твою, — сердито стучу кулаком по её лбу. Сидите, бл, я сам открою. — Так ты выбирай нормальные места! Что у тебя за приколы такой выбирать что-нибудь позабористей?

Адреналина не хватает? Хочешь, устрою? В местные притоны ещё не заглядывала, нет? А в СИЗО? Ну а что, зеки будут в восторге. Они обожают свежее мясо.

– Дань, остынь, — с досадой отмахиваются. — К чему эта истерика? Тебе здесь быть можно, значит, а мне нет?

– А я, знаешь ли, не хорошенькая девчушка. Меня не затолкают в тачку и не увезут под шумок куда-нибудь на пустырь, чтобы поиметь во все дырки. Но если очень хочется острых ощущений, ради бога. Не стану останавливать.

– Утрируешь, не? — обводят взглядом царящий хаос. — Сколько тут девушек? И что, прям всех увезут?

– Не всех. Но будь уверена, к утру процентов восемьдесят перетрахают в три захода. Борзый тебе разве не озвучивал условия?

Горошек мрачнеет.

– Ты про лысого чела с дурацкой татухой? Озвучивал. Правда там же в контексте звучало: по добровольному согласию.

– То есть, тебя предупредили, но ты всё равно явилась? Малявка, у тебя совсем инстинкты самосохранения отшибло?

– Ты бесишься, потому что не хочешь, чтобы я путалась под ногами, да?

Блин, да!!! Не хочу. Мне что прикажете теперь делать? Караулить её? Следить, чтобы её нигде в углу не зажали, перевозбудившись от прилива серотонина? У меня что, других дел больше нет?!

– Ты имеешь хотя бы смутное представление о том, что здесь происходит и чем мы занимаемся?

– Удивишься, но да. Поэтому не переживай, мешать не буду. А если очень надо, могу и домой к рассвету не приезжать, чтоб ты всё успел.

Эм.

– Не понял.

– Чего конкретно не понял? Пойдём у Риты спросим, она всё подробно объяснит.

Не понял ещё больше.

– Что за Рита?

– Вон та брюнетка, — пальчиком тыкают на подружку из бара.

– И кто это?

– Не помнишь? А вот она тебя помнит. И даже знает, где у тебя презервативы дома лежат.

Эм...

Рита...

Маргарита...

Марго...

Чёрт. Кажется, дошло.

– Я что, спал с ней, да? — удручённо морщусь, потирая занывшую переносицу.

Теперь понятно, чего та так глазёнки свои грела.

– Это ты у меня спрашиваешь? — усмехается Саша. — А сам не помнишь?

– Я что, должен помнить всех, кого трах... — осекаюсь, понимая, что разговор сворачивает совсем куда-то не туда. — Так, что-то я не понял: когда это мы с отчитывания тебя на обмусоливание моей личной жизни перескочили? Ты стрелки-то не переводи.

– Да никто ничего не переводит, — снисходительно похлопывают меня по груди. — Просто отстань от и дай поработать: чем быстрее я накоплю финансов на первый взнос, тем быстрее съеду и перестану быть тебе обузой. Договорились?

Договорились!?

– Да нихрена мы не договорились! — снова впиваюсь ей в локоть, утаскивая к байку. Разгоняя цветастых птичек и силком усаживаю на него. — Сидишь тут и только попробуй хоть на метр отойти, поняла? Дома поговорим.

– Прикалываешься? — смотрят на меня исподлобья, презрительно изогнув бровь. Эта выдерга, блин, меня вообще не боится!

– Прикалываться будешь потом ты, когда я выдеру тебя, как сидорову козу. Чтоб неповадно было устраивать перфомансы.

– А чё происходит-то? — напрягается не втыкающий Борзый. — Вы, типа, знакомы?

– Знакомы, знакомы, — закурываю, мучая в пальцах зажигалку. Всё лучше, чем смыкать их на хрупкой шее.

Стою, мусоля зубами фильтр и высверливая Горошка насквозь. Той же хоть бы хны. Сидит, меланхолично закинув ножку на ножку, покачивает туфлей на неадекватно высокой платформе и с интересом осматривается, впитывая обстановку.

Пздц. Вырядилась, блин, в ультра-мини короткие шорты и такую же укороченную маечку с бахромой. Частичная обнажёнка хоть и скрыта сверху джинсовкой, но всё равно чересчур открыто. И беспокоит это, судя по всему, только меня.

– Эй, Шмель, вот ты где, — подваливает к нам Орех, ещё один организатор. — Там двое победу поделить не могут. Надо разобраться.

Что, уже? Обычно кипиш попозже начинается, но сегодня вообще всё идёт по одному месту.

– Иду, — бросаю пожеванный окурок на землю, затапывая. — Следи за ней, — грожу Борзому. — Шаг вправо, шаг влево — расстрел. Увидишь, что куда-то пошла или, не дай бог, начала трясти булками, за шкирман и ко мне.

– Эм, ну оке-е-ей, — тянут без особого восторга.

Моментально теряюсь среди возбуждённой толпы. Народу как всегда дохрена, не толкнуться. Особенно ближе к выставленному ограждению, за которым пролетают на бешеной скорости тачки.

Грохочет музон. Танцуют девочки, сексуально виляя бедрами и зазывая вкусить все прелести ночной свободы. Светят напольные прожектора, выхватывая трассу.

Мелодично режут моторы и грохочут снятые ради понтов глушители спорткаров, дрифтующих на месте в облаке дыма. Чисто показуха ради привлечения внимания, но выглядит эффектно.

Всем нравится, все кайфуют. Все, кроме меня. Мои натянутые нервы вот-вот лопнут по вине одной особой одарённой.

Направляюсь напрямик к бунтарям, вздумавшим затеять потасовку. Частое явление, когда результаты гонки кого-то не устраивают. Никому ведь не охота проигрывать, вот и начинается сыр-бор.

На этот случай у нас, конечно, установлена профессиональная система хронометража, но цифры мало что значат, когда дело идёт на принцип.

Проталкиваюсь сквозь толпу зрителей. Самых ретивых и любопытных ежеминутно отгоняют от дороги, чтоб под колёсами не оказались. Пьяных и обдолбанных — без телячьих нежностей разворачивают домой. К гонке, естественно, такие тоже не допускаются. Перед заездом каждого водителя проверяют.

Причина, по которой наш клуб один из лидирующих — безопасность. За все годы существования у нас не случилось ни одной серьёзной аварии. И уж тем более летального исхода.

А если вдруг какое-то происшествие, на точках безопасности предусмотрены аптечки с огнетушителями, а все орги прошли курсы скорой помощи, так что тоже не подведут.

Короче: к нам приходят, нам доверяют, с нами остаются. Мы не отбитые "Койоты", где допускают к участию всех без разбору, закрывая глаза на справку об невменяемости или отобранные права.

Там у народа тормоза начисто отсутствуют.

Именно из-за таких больных ублюдков, в большинстве зажавшихся мажоров, которым закон не писан, стритрейсинг и находится в опале. Что сильно печалит, потому что мы вовсе не камикадзе-убийцы. Мы просто любим скорость и красивые тачки. Разве это запрещено?

Процесс разнимания боевых петухов затягивается, но конфликт улаживается с миром. Водилы разбредаются по своим машинам и разъезжаются, освобождая дорогу для новой пары соперников.

Несмотря на разнообразие направлений, драг-рейсинг был и остаётся одним из самых зрелищных и динамичных соревнований.

Короткие заезды, максимально выжатая скорость, быстрый результат и пойманный за эти десять-пятнадцать секунд адреналин — что ещё нужно, чтобы расслабиться после тяжёлой недели?

И вот этого мне сейчас прям капец как не хватает.

Возможности РАССЛАБИТЬСЯ.

Уже возвращаясь к заложнице замечаю на эвакуаторе знакомое кукольное личико и складную фигурку. Мрачной поступью сворачиваю туда, пальцем подзывая к себе отжигающую Марго.

— Что-то не так? — упираясь ладонями в колени и нагибаясь так, что сиськи чудом не вылетают из бронелифчика с шипами, интересуются невозмутимо.

Выхватываю маленькое тату в виде продолговатой линии и лотоса между полушариями. Да. Вот теперь точно узнаю. Была такая.

— Ты мне скажи, Маргарита.

— Вспомнил, значит?

— Напомнили. Давай, Марго, колись. Всё уже успела растрезвонить по большому секрету Саньку?

— А что, не стоило?

— Не стоило, но вы, девоньки, говорливые птички, так что не удивлён. Однако совет на будущее — фильтруйся. Иначе подработка накроется медным тазом. И не только у меня. Мы друг друга поняли?

Лисьи глаза с подведёнными блестящими стрелками хитро шуртятся.

— А чего конкретно ты боишься? Того, что Саша узнает, что у нас был секс? Так она уже знает. Или тебя больше беспокоит, что ей станет известно про мутные делишки, что вы тут проворачиваете и которые не должны афишироваться?

Отлично. Ещё одна дерзкая и языкастая попалась. Откуда вы только берётесь, курицы гламурные?

— Я всё сказал. Надеюсь, ты меня услышала, — бросаю холодно и отхожу, снова доставая пачку сигарет.

Без никотина точно не вывезу. В идеале ещё бы выпить, но я за рулём, так что приходится справляться так.

Возвращаюсь к Харлею, только вот...

— И ГДЕ!? — набрасываюсь на Борзого.

— Да я на минутку всего отошёл, уладить вопросик... — оправдывается тот виновато. — Вернулся, а её...

А я её, мать твою, нет! Ни на байке, ни рядом с байком, ни в ближайшей шаговой доступности!

Су-ука-а-а...

– Я её убью.

Задушу, расчленю, расфасую по мешкам и отправлю первым классом обратно матери!!!

Мысленно уже точу топор, но пока лишь убиваю гребаные следующие четверть часа на наматывание кругов, однако Горошек словно сквозь землю провалилась.

Зашибись, бл.

Ночь. Пустырь. Слепая территория без камер и сотни тачек с сотней водителей, которым ударила сперма в башку. Уже стоит паниковать или рано?

В ход идёт уже какая сигарета? Пятая, шестая?

Чувствую, как сердце, не очень благодарное за переизбыток дряни, начинает покалывать. Хотя, быть может, это далеко не от табачной отравы, а от обычного беспокойства...

– Эй, Шмель, — привлекает моё внимание вынырнувший из слепящих отблесков горящих фар Борзый. — Нашлась! Только у нас там это... чп небольшое...

Чп, блин. Мне вот только чп и не хватает!

Быстрым шагом направляюсь туда, где скопление людей наиболее рассеяно: к припаркованным тачкам.

Аккурат между серым Вольво и синим спортивным Феррари пропажа, к счастью, обнаруживается. Стоит, надувшись, со скрещенными на груди руками.

А рядом пацан топчется, задрав окровавленный нос и втыкая в ноздри услужливо подающиеся ему другим оргом салфетки.

Так. Ну, Горошек вроде цела. Внешне никаких следов... чего-либо. Значит, можно с чистой совестью устраивать разнос.

– И что здесь произошло? — замираю напротив, грозный и хмурый, однако внутри прям разливается согревающее тепло от облегчения.

– Эта дура мне нос сломала!

Спрашиваю, вообще-то, у организатора Рафа, крутящегося рядом с аптечкой, но отвечает мне побитый. Причём отвечает больно уж комично, с гундоским акцентом чувака, который озвучивал: *"Коламбия пикчерз представляет"*.

– Ну поздравляю, чё. Тебя девчонка уделала, — ситуация вроде не ахти, но на смехок пробивает. — За что только осталось понять.

– Да ни за что! Цаца неприкосновенная, видите ли, нашлась!

– А это я уже не у тебя спрашиваю. Постой в сторонке и не капай кровью. Сань, в чём дело? — тишина. Ещё и демонстративно смотрит в другую сторону. Приходится призывно пощёлкать пальцами. — Ау, Горошек! Как связь с космосом? Спрашиваю: за что отмудохала мажорчика?

А поц явно из папеньких сынков: дорогие шмотки, дорогие часы, на понтах, сам же ещё совсем соплик. Сомневаюсь, что на Ролекс он заработал самостоятельно. Слишком тщедушный для этого.

– А нечего меня лапать, — бурчат сердито.

Супер. Почему я даже не удивлён?

– Позаигрывать уже нельзя! — не унимается мажор, чем начинает подбешивать. Истеричка. — Вырядилась как шалава, зато строит из себя недотрогу.

Так, ну всё. Достал скулить.

Подхожу к поцу почти вплотную, понижая голос.

– Тачка твоя где?

– Да вот же стоит, — кивают на спортивный двухдверный Феррари.

И снова не удивлён.

— Смотри хронологию дальнейших событий, — говорю спокойно, а у самого руки чешутся добавить его роже рубцов. — Ты сейчас тихо в неё садишься и красиво уезжаешь встречать рассвет.

— С какой стати? — тут же встаёт тот на дыбы. — Я только приехал. Заплатил таксу, ещё даже не гонял.

— Нет, ну если это твои последние копейки до следующих карманных, что выдаёт папуля, то базара нет. Таксу я тебе верну. Будет на что кофеёк купить.

— Это оскорбление?

— Это вежливая просьба. А начнёшь выкобениваться, перейдём на другой формат беседы.

— И всё из-за тёлки?

— Из-за воспитания и манер. Ну так что, уладим конфликт мирно или...

Мирно. С психами, конечно, но на рожон не лезут и, цедя оскорбления напополам с угрозами, напоследок хлопают дверцей. Дожидаюсь, когда спорткар с визгом сорвётся с места и только тогда переключаюсь на виновницу стычки.

— А теперь твоя очередь, — притянув её за рукав, увожу за собой, заставляя торопливо семенить на своих ходулях. — Что конкретно было непонятного во фразе: сиди на месте и не рыпайся?

— Я не виновата! Меня утащили.

— Кто, этот дрыщ?

— Да нет же. Парень какой-то. Из твоих, видимо. Наехал по поводу того, что я прохлаждаюсь и работать не иду. Поташил куда-то, но я от него слиняла и слегка заблудилась, а тут этот подвалил...

Так. Надо бы проинструктировать пацанов, чтоб включили больше такта. Некоторые заметно перебарщивают с подаренной им мнимой властью, забывая о правилах приличия.

— Оценила иронию? — не могу не заметить.

— Какую?

— Ты ещё даже плясать не начала, а тебя уже хотели зарезервировать. Радуйся, что такой дурачок попался. Наткнись ты на какого-нибудь ретивого кавказца, уже сидела бы в его багажнике.

Если мажоры просто бесцеремонное хамло, считающее ниже своего достоинства соблюдать правила, то для горячих восточных молодчиков гоу-гоу — это прям красная тряпка для быка.

Вечно то на эвакуатор лезут, то танцовщиц зажимают, лезя им в трусы и затирая про большую светлую любовь до того, как эту любовь одобрят и назовут ценник.

Эти кадры, как показывает статистика, чаще других становятся настолько неуправляемыми, что приходится применять физическую силу.

Или же звать знакомых ментов, они у нас тут тоже пар выпускают частенько. Не официально, разумеется. Но в обезьянник затолкать проспаться или штрафануть могут очень даже не понарошку.

— Тут что, сплошь озабоченные аборигены ошиваются или это очередная попытка меня застрашать? — мрачнеет Саня.

— Не аборигены. Нормальные мужики с нормальными физиологическими потребностями. Ты же слишком лакомый кусочек.

— С чего вдруг?

— А ты оглядись. Тут почти каждая девчонка оттюнингована как старенькая десятка у фанатика. С надутыми губищами, силиконовыми жопами и боевым раскрасом. Только таблички на шее не хватает: *"моя пещера набрала больше тысячи просмотров, каждому третьему скидка"*. Рядом с ними ты — невинный цветочек. Чистый, юный и непорочный. А от такого куша никто бы не отказался.

— Даже ты?

Вопрос заставляет смутиться, однако отвечаю предельно честно. Чтоб всё понимала и не тешила иллюзий.

— Даже я, Сань. Даже я, — возвращаемся к Харлею. — Надеюсь, второй раз просить не придётся? Или тебя стоит на цепь приковать?

— Снова сидеть и не рыпаться?

— Именно так.

Горошек послушно падает на сидение, складывая руки на коленях. Примерная школьница, блин.

— И сколько мне так тухнуть?

— Пока я не закончу. Как водится, часиков до пяти утра. А там домой поедem.

— Издеваешься? Я и сама могу доехать. Такси никто не отменял.

О, да. Вот только ещё таксистов не хватало для полного комплекта. С её-то внешним видом.

— Ну уж нет, дорогая. Ждёшь меня, ясно?

— А ты куда?

— Работать, — развожу руками, охватывая шумную и кипящую от жизни ночь. — Или ты правда думаешь, что я здесь только ради того, чтобы кого-нибудь цепануть? Не отрицаю, приятный бонус никто не отменял, но первостепенная задача далеко не в этом.

— Пф. Сифилис не цепани попутно, — доносится ехидное.

Аж дар речи теряю от такой наглости.

— Что-что ты сказала? — подхожу ближе, склоняясь к её лицу.

— Говорю, венерические болячки — штука неприятная, — в ответ дерзко задирают подбородок, так что теперь кончики наших носов практически соприкасаются. — Будь осторожнее.

Вот же... колючка! Хватает же дерзости!

— У кого-то коготки слишком острые? Почесать захотелось, да?

От непозволительно близкого присутствия в ноздри с готовностью забирается знакомый земляничный шлейф, активирующий в голове то, что всю неделю я так старательно пытался выместить оттуда.

Против воли, недавняя сцена в ванной сама всплывает в сознании и...

Чёрт. Стоит только об этом подумать, как мозги тут же превращаются в вату.

Ничего она, видите ли, не почувствовала.

Интересно, а поцелуй я её сейчас... Так, как следует... Тогда почувствовала бы?

Господи, о чём я думаю?! Хуже того: не могу оторваться от разглядывания переливающегося блеска на её губах.

Смотрю на них с жадностью голодного волка, нервно сглатывая, и понимаю, что дело — дрянь. Надо срочно брать себя в руки, иначе...

Опешившие моргаю, ловя влажной щекой ветер.

Это, блин, что только что было!?

Саша меня... ЛИЗНУЛА??

Без прикола — лизнула!

— Мяу! — поджав руки к груди, невинно хлопают глазками, пародируя котёнка.

Подвисаю, переваривая и...

Меня выносит на хохот. Ничего не могу с собой поделать. Слишком уж неожиданно и смешно.

— Ну ты кадр, — утыкаюсь лбом в её, прикрыв глаза. — И как после этого злиться?

— Никак, — отзываются мелодично. — Зачем злиться? Лучше покажи и расскажи, что у тебя тут за движ такой. Раз уж я здесь...

Вот же ш... хитрая блондинка. Сама извернулась, да ещё и вывернула всё в свою пользу. Не говоря о том, что смысл значения "подлизаться" подняла на новый уровень.

Обречённо вздыхаю, принимая поражение. Такими темпами, чувствую, эта малявка из меня скоро верёвки вить начнёт. Если не уже.

— Пошли, баламутка, — выпрямляюсь, подавая ей руку. — Только от меня ни на шаг, поняла?

— Есть, сэр, — мигом подсакивают, довольные собой. Ещё б она не была довольна.

Веду за собой "экскурсантку", рассказывая вкратце: что, как, где и куда. Периодически отвлекаюсь, тормозя возле знакомых, чтобы поздороваться. Мимо других прохожу, не обернувшись. Тех, кого впервые вижу. Новых лиц всегда хватает, и это хорошо. Значит, сарафанное радио делает своё дело.

Народ кутит, отдыхает. Те, что не за рулём — позволяют себе расслабиться, прикладываясь к бутылке пенного и прохладного. Ну, или чего покрепче. Ассортимента хватает.

Некоторые, самые предприимчивые, прям ящиками подвозят выпивку и продают из кузова в тридорого, зная, что магазинов поблизости не найдёшь. Бизнесменскую жилку мы не гасим, но за общей вменяемостью слеживаем.

Другие приезжают налегке, чисто похвастаться навороченной тачкой. Поднимут капот, чтоб новенький хромированный движок был всем виден, натрут диски до блеска и крутятся рядом, раздутые от самодовольства.

Есть и такие, кто пригоняет сюда исключительно ради съёма красивых, но не самых избирательных девчат. А таких тут хватает выше крыши. И речь даже не о танцовщицах, а обычных искательниц приключений.

Однако моя душа лежит к той касте, что, в первую очередь, едет за дозой адреналина. С ними и общие интересы находятся, и выгодно сотрудничать, да и, как показывает практика, они самые адекватные персонажи. Без гонора и понтов.

Проходим десятки и десятки авто, самых разных по топовости, но заметно, что транспорт оставляет Саньку равнодушной. Для неё что Бугатти последней модели, что городской седан с примятой бочиной — всё на одно лицо. Разница нулевая.

И это так забавно, на самом деле.

Я же иду чуть впереди, так что на меня не обращают особого внимания. Зато мне прекрасно видно, как многие водилы кладут глаз на Горошка. Окликают, флиртуют, трутся возле своих "агрегатов", всячески пытаясь покрасоваться, а той всё до одного места.

Ну, машина и машина.

Ну, на колёсах. Едет и на том спасибо.

Хотя процесс гонки, надо заметить, её всё же захватывает. Она с таким любопытством то и дело выворачивается, провожая проносящиеся на трассе тачки, что, сжавившись, веду её к одной из контрольных точек оргов. Где минимум людей, зато открывается отличный вид на заезд.

Опять же, объясняю общий принцип и давно отлаженную систему. Как всё происходит, как всё организовывается, как устроен контроль над ситуацией, как и для кого в принципе создавалась тема уличных гонок...

Короче, сдаю всю внутреннюю кухню с потрохами.

Будь на месте Саши кто-то другой, языком бы так, разумеется, не чесал, всё же некоторые моменты посторонним знать и не следует, но это ведь Сашка. Своя.

Слишком своя.

Когда, в какой-то момент оступившись на выбоине, она едва не летит приветствовать асфальт, ловлю её, удержав за талию.

Возвращаю на место и лишь через несколько секунд понимаю, что клешню-то с её живота так и не убрал. Более того, прижимаю Горошка к себе ближе, чем этого требует ситуация. Практически вплотную.

Понимаю это... И ничего не предпринимаю.

Она тоже. Замерла и не реагирует. Лица её не вижу, только напряжённые худые плечи, спрятанные под джинсовкой, а под ладонью, тем временем, печёт огнём. Печёт и всасываясь в вены, перекидывается жаром на остальные части тела.

Стою. Молчу. Прислушиваюсь к своим ощущениям и понимаю, что они мне *совершенно* не нравятся. Само её присутствие здесь, вмешивание в привычный распорядок и ту часть жизни, в которую я не привык кого-то впускать, вызывает дискомфорт и растерянность.

Поэтому, когда через пару часов мне звонит знакомая "норушка" с предупреждением о том, что наряд уже выехал по жалобе и нам стоит прикрыть лавочку, испытываю не досаду, а облегчение.

Оно и к лучшему, а то что-то как-то совсем не прикольно...

Глава седьмая. Анубис

РОВ ГОРОШЕК

— Кошмар какой! Потею хуже грешницы в церкви! — ворчит Милана, обмахиваясь. Только прискакала из зала на перерыв: запыханная, раскрасневшаяся и насквозь мокрая. — А главное, ни один дезодорант, сволочь такая, не берёт запашок.

— А он и не возьмёт, — замечаю, растирая покрасневшие пальцы на ногах. Мозоль на мозоли от этих новых, "профессиональных" туфель. Они и правды удобны, не спорю. Устойчивы, смотрятся шикарно благодаря лакированному эффекту и люминисцентному каблучку. Вот только ещё не разношены и капец какие жёсткие. — Ты чем моешься? Гелем для душа?

— Разумеется.

— Попробуй мылом. Только не ароматическим на кремовой основе, а обычным. В гелях для душа более щадящий состав, поэтому бактерии плохо вымываются. Потеть, конечно, и с мылом будешь, но запаха станет меньше.

— Откуда знаешь?

— Лайфхак от мамы.

— Надо попробовать, — потроша пачку влажных салфеток, отзывается красотка. Но отвлекается, словно что-то вспомнив. — Слушай, что спросить всё хотела; а Влас к тебе ещё не подкатывал?

— А должен был?

— Ну, он, как водится, ни одной симпатичной новенькой мимо не пропускает. Не всегда ему, конечно, что-то обламывается, но пыла его это не унимает.

— Не знаю. Как-то не заметила... — откликаюсь, хотя смутные сомнения всё-таки закрадываются в сознание.

Да, открытого заигрывания за барменом я пока не замечала, но то, что у него есть привычка приобнимать или как бы между прочим тискать девушек — это факт.

— Да зачем ей наш Влас? Она подцепила рыбку куда крупнее, — хмыкает Рита, сидящая за туалетным столиком и подтирающая подушечкой пальца блеск на губах. — Вопрос только: долго ли та на крючке будет болтаться?

— Ты о ком? — не поняла я.

— Не догадываешься? С кем ты вчера... или уже сегодня... так мило обжималась?

А... она про Даню.

— Да никто не обжимался... — неуверенно заминаюсь. — У него просто пунтик на гиперопеку.

Хотя не отрицаю, прошлой ночью возникали моменты, вызывающие мурашки. А с ними заодно и парализующую озадаченность.

— У Шмеля? Пунтик на гиперопеку? Это что-то новенькое! Такое я слышу впервые. Ты, кстати, так и не сказала: как вы познакомились?

Не сказала. Как-то до этого не дошло.

На вопросительное в личку: "*Откуда ты знаешь Шмеля!*?" в ту же ночь, когда Даня меня забирал из бара, я лишь ответила не менее вопросительным: "*А ты?*". После чего посыпались *такие* подробности, которые...

Которые я до сих пор перевариваю.

— Что за Шмель? Из "Энигмы"? — не поняла Милана.

— Ага.

— Ууу... — тянут сочувствующе. — Ты поосторожнее с ним будь, Сашуль. Девчонки за ним хоть и бегают с матрасом, но он тот ещё...

— Козёл, — подсказывает Рита.

— И это предельно мягкое определение. Я его лично знаю не очень хорошо, пару раз только пересекалась, но столько наслушалась.

— А я вот знаю достаточно лично, — фыркает Умакина. — И кроме того, что трахается он как бог, положительного ничего не скажу.

— Ха, — Милана насмешливо щурится, пытаясь добраться салфеткой под подмышкой, что непросто с обтягивающим укороченным верхом. — Это да, это я тоже слышала. Прямо даже самой попробовать охота, чтоб самолично, так сказать, убедиться, да только парень мой вряд ли этому обрадуется.

Сижу и диву даюсь. Вот же сплетницы!

Слава богу, в гримёрке нас только трое сейчас на перерыве. Правда несколько уже не удивлюсь, если обнаружится, что вся дюжина танцовщиц, так или иначе, знакома с Даней. И, надеюсь, что только *просто* знакома, а не...

— Я что-то не поняла, — осторожно уточняю. — Вы его полощите или восхваляете?

— И то, и другое, — Рита салютует мне пушистой кисточкой. — Ты с ним уже спала?

— Н-нет, — аж заикаюсь.

— Ого. А чего тянешь?

— Да мы и не встречаемся. Просто... дружим.

"Дружим". И, видимо, это наш потолок. Поцелуй в ванной расставил всё по своим местам, дав понять, что можно не надеяться на что-то большее.

— Дружите, дружите, — ухмыляется Умакина, заканчивая с макияжем. — Все мы с ним "дружим". Главное, не забывай предохраняться.

— О, ты тоже слышала эту тему, когда он обрюхатил девчонку и заставил её сделать аборт? — понимающе кивает Милана.

— Да только ленивый не слышал. Та дурёха долго еще языком чесала, проклиная Шмеля. Правда эта история мало кого останавливает и дальше лезть к нему в койку. Берёт же чем-то сволочь, а?

— Членом. И умением им пользоваться.

Стараюсь дальше не слушать. Слишком противно, мерзко и неприятно. И за всё это обмусоливание, и за всплывшую... информацию.

Но и дать понять, что меня задевают такие разговоры тоже не хочу. Очевидно, что чувство такта у девочек оставляет желать лучшего, так что вряд ли есть смысл просить сменить тему.

Поступаю нейтрально: ещё какое-то время сижу, делая вид, что занята накидкой в крупную сетку, надетой поверх лифчика, после чего, обувшись в пыточные туфли, под предлогом выхожу.

На душе прямо... гаденько.

Да, в том, что у Дани хватало девушек я никогда не сомневалась, но то, что его "популярность" настолько бежит впереди него...

Блин, да я ещё со вчерашних уличных гонок не отошла. Когда Рита рассказала: чем он занимается — не сразу даже поверила. Не потому что это что-то эдакое, а потому что мои представления о подобных мероприятиях весьма скудны и ограничиваются лишь просмотренными фильмами.

А тут всё живую, на самом деле...

Вот и просила меня взять с собой. Чтобы собственными глазами увидеть его... в подобных декорациях.

Увидела. Прочувствовала на полную, я бы сказала. А теперь вот здравствуйте, новые открытия. И не сказать, чтоб очень приятные.

Остаток смены дорабатывается с осадком. А ведь, несмотря на это, надо улыбаться пустившимся во все тяжкие посетителям и играть в раскрепощенность. Что непросто.

Попробуй быть соблазнительной и слушать своё тело, ловя ритм и подстраиваясь под музыкальные переходы, когда в мозгах со звоном перекатываются стеклянные шарики посторонних мыслей.

Но ничего, справляюсь.

Завершаю свой последний выход и ухожу обратно в гримёрку. В основном зале нет окон, но по количеству всё ещё кутящего как в последний раз народа, на самом деле, сложно представить, что на улице по-тихоньку светает.

Бедные бармен-гёрл. Им стабильно приходится задерживаться из-за таких вот "тусовщиков". Пока до каждого достучишься, что пора бы и честь знать, пока охрана вежливо не сопроводит подвыпивших балагуров на выход. А там ещё и рабочее место в порядок надо привести, кассу посчитать...

Нас это, к счастью, не касается, поэтому спокойно переодеваюсь и, попрощавшись со Светланой и сонно зевающей хостес, выхожу на улицу, где подзадержавшиеся танцовщицы, скучковавшись, с наслаждением потягивают тонкие сигаретки с ментолом.

Звучит странно и даже комично, но без вредных привычек я среди них единственная. "*Мальшика*", как они меня снисходительно называют. И обязательно добавляют, что "*Большой город даже такую правильную девочку скоро испортит*".

"Правильную".

Да не назвала бы я себя правильной. Всё, что я хотела — и так успела попробовать. Станица — не другая планета, там тоже хватает "соблазнов". Возможно, их даже больше, так как развлечений в небольшом посёлке не так много.

Как и перспектив.

Но если я не курю, это не значит, что не пробовала. Пробовала, но не зашло. Прикола ходить и вонять пепельницей я точно не оценила. Потом ведь и руки, и одежда, и волосы — всё насквозь пропитано этой гадостью.

Нет уж. Лучше пусть от меня духами пахнет.

Не подходя, машу им на прощание и собираюсь уже было перейти дорогу, когда перед самым носом резко тормозит знакомый чёрный Хаммер. Монументальный, грозный и исконно брутальный внедорожник.

Стекло со стороны пассажирского опускается, являя миру взъерошенного Даню.

— Наконец-то. Я тут уже раза три уснул, пока тебя ждал.

— А зачем ждать?

— А вдруг украдут? Заползай, — подтягиваясь, открывают изнутри дверцу. — А ты сиди. Сидеть, я сказал, — сердито дают щелбан по мокрому носу, высунувшемуся с заднего сидения.

Офигеть. Сопровождение в полном составе.

— Его-то ты зачем притащил?

— В смысле, зачем? Чтоб скучно не было. Была б псинка поумнее, мы бы в картишки перекинулись. А так только драть сидушку и способен, да, чудище?

Мир перевернулся или что? Я как-то упустила момент, когда с ворчаний: "вышвырни его обратно на улицу", он вдруг успел так подружиться с доберманом...

Но это же, наверное, хорошо, да?

Забираюсь в громоздкую машину, захлопывая дверцу и мельком замечая брошенные в нашу сторону любопытные переглядки.

– Ну всё, новая порция шушуканий обеспечена, — замечаю я.

Проследив траекторию моего взгляда, водитель криво усмехается.

– Что, все косточки уже перемыли мне?

– Практически.

– И как оно, интересное что-нибудь узнала?

О, да...

– Узнала.

– Разочаровалась?

– Озадачилась.

– Представляю. Но не всему стоит верить. Я тоже думал, что ты обычная тихоня, а на деле видишь, как оказалось.

– Не тихоня?

– Точно не тихоня. Тихони столько головной боли не доставляют. Пристегнись.

Пристёгиваюсь. И Хаммер срывается с места, оставляя бар позади.

– Зачем ты приехал?

– Я уже ответил.

– И что, каждый день теперь будешь меня караулить?

– Каждое утро. И не караулить, а обеспечивать безопасное передвижение до дома.

– Не слишком, не?

– Ну ты же вмешиваешься в мою работу. Почему мне нельзя?

– Так это месть?

– Это забота, Санёк. Забота. И матери набери, а то она с вечера до тебя не может дозвониться. Я сказал, конечно, что ты спишь, но прикинь какая была бы неловкость, не совпади наши показания?

Ой. А в телефон-то я ещё не заглядывала. Он как на беззвучном в рюкзаке валяется, так и валяется.

– Спасибо. За то, что прикрыл.

– Лучше так, чем обе наших жопы будут пылать, вскройся твоя работка.

– У нас вакансия скоро должна освободиться официанткой в кафе. Если получится, возьму ещё допсмены после колледжа по будням.

– А жить когда собираешься?

– Когда съеду.

– Знаешь, Сань. Твоё стремление к самостоятельности, конечно, похвально, но у меня есть идея лучше. Давай я тебе буду платить? Только сваливай из этого гадюшника.

– Будешь платить за то, чтоб я не работала? Это сильно.

– Не, если прям очень хочется быть при делах, найди что-нибудь поспокойнее. Устройся... ммм, библиотекарем там.

Библиотекарем. Прекрасно. Долго думал?

– И облегчить тебе муки совести? Да ни за что.

– То есть, это дело принципа?

– Отчасти, — туманно отзываюсь.

В конце концов, где ещё найти такие дозы компромата на него? Сам-то Шмелёв ведь не торопится посвящать меня в свои секреты, а тут так удачно звёзды сошлись.

К тому же, не станем лукавить, работа мне моя действительно нравится. И чаевые, которые собираются за ночь, тоже радуют. Благодаря им, вон, и в ветеринарку собакевича сводила, и туфли купила. Ещё и осталось. А сегодня новые заработала.

Понятно, что гоу-гоу я поработаю недолго, хотя у нас есть девочки, которые уже по несколько лет тут сидят и вообще не собираются уходить, но почему бы не воспользоваться возможностью, если такая есть?

— Замечательно, — тяжёло вздыхают, включая поворотники и, оспозая позади набережную с пальмами, сворачивают в глубину города. — Я с тобой либо поседею раньше срока, либо нервный тик заработаю.

Оставляю замечание без комментария. Вместо этого невольно меняю тему призывным урчанием желудка. Слишком громким, чтобы его нельзя было не услышать в тишине салона.

— Есть хочешь? — понимающе хмыкают. — До дома терпит?

— Дома ничего нет. Днём буду говорить.

— Понял. Значит, ща что-нибудь купим.

В качестве "что-нибудь" выбирается самый беспроектный вариант, и к дому мы подъезжаем с полным пакетом фаст-фуда. Которые приходится в прямом смысле отвоёвывать у доberman, так как запах жаренной котлеты ему тоже приглянулся.

Пока носимся по квартире, отбирая сворованный бургер, как-то совершенно незапланированно оказываемся в комнате Дани, да там, по телек, и решаем позавтракать.

Всё бы ничего, но последнее, что я помню — как, объевшая до состояния шарика, облокачиваюсь на подушку, чтобы передохнуть, моргаю и...

И всё. Просыпаюсь только ближе к обеду под тот же фонащийся телек. Под одеялом, лёжа на руке дрыхнущего без задних ног Дани и уткнувшись носом в его ключицу.

Ой.

Ммм... Как это... очаровательно.

Меня, правда, смущает небольшая деталь: как мы перетекли-то в эту позу? Засыпала я точно на другом конце кровати.

Лежу, боясь шелохнуться, и исподлбья разглядываю встопорщенные волосы и расслабленные черты. Ямочка на подбородке, пухлые губы, скулы, длинные светлые ресницы...

Ёлки-палки, почему у парней они всегда длинные!? Почему нам приходится добиваться той же длины с помощью туши, а им для этого вообще прикладывать усилий не надо!? Где справедливость?

Визуально облапав его, где только можно и нельзя, спускаюсь ниже, перетекая на умиротворённо вздымающуюся грудь.

От футболки вкусно пахнет мужским дезодорантом, а под принтом с пальмами Калифорнии угадывается крепкое и шикарно сложенное тело...

Эх. Станешь тут удивляться всем этим девчачьим судачествам, при виде такой-то картинки. А если к ней ещё и прилагаются обещанные "фишки"...

Блин. Кто бы знал, сколько раз я вот так мечтала проснуться в его объятиях? Сколько раз фантазировала о том, как он признаётся в своих чувствах? Сколько раз представляла, как бы оно было, если бы мы с ним... ну, того-этого...

Если верить всё тем же сплетням, мне бы точно понравилось, а вот ему? Вряд ли я чем-то способна его удивить. Чего уж там, мне и поцелуй-то мой теперь кажется страшно несурзанным и неуместным.

Честно говоря, не знаю, почему вообще сорвалась. Наверное, от обиды не выдержала. Потому, что отчаянно хотелось дать понять, что хватит уже считать меня ребёнком, только вышло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.